

СМЕНА

СМЕНА

1. Вторую столицу Украины—ниогострадальный Харьков.— Таганрог, Карачев, Жидзу, Севск, десятки других городов и сёл вырвала наступавшая Красная Армия из рук врага во второй половине августа, вернула их родине. Дважды артиллерийскими залпами салютовала Москва нашим доблестным войскам (фото в центре). К славному пламеню Орловских и Белгородских дивизий прибавились дивизии Харьковские, Таганрогские, Карачевские, Севские...

На снимках вы видите эпизоды великой эпопеи.

27 августа Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР тов. Ф. Бронко вручил вторую медаль «Орденом Славы» Герою Советского Союза майору М. Бондарову — одному из семи сталинских орденов, ставших в августе Дважды Героями Советского Союза.

РАССКАЗЫВАЕТ

Боец Широкобоков (фото в третьем ряду, слева) одним из первых вооружался в родной Карачев. Там его встретили сёстры со слезами на глазах: отца и мать расстреляли немцы. И горе жёгёт сердце солдата, превращаясь в неутолимый огонь мести.

Над прекрасной площадью Дзержинского (фото в центре третьего ряда) взвилось красное знамя, символ торжества освобождённого Харькова. Таганрогские партизаны (фото в третьем ряду, справа) вместе с Красной Армией вошли в родной город. Здесь каждый дом и каждый камень — символ. Сбывается их мечта — забыть злобный враг из Таганрога.

С успехом закончилась польская сверхквота, привлекавшая внимание спортивной молодежи всей страны. На фотографии вы видите начало соревнования по вольному — стару дельфины на 200 метров.

Этот снимок был сделан 31 августа—за день до то-

го, как перед Таганрог Глязичев, Глаз Фелициной, Блэк Мильвинской и тысячами их сверстников и сверстниц открылась родина любви шао.

В честь приближающегося двадцатипятилетия комсомола мальчики Иско-го завода сбегались поужинать сестричаны своим десятку строительных полков. На снимке: бригадир комсомольской фронтовой бригады М. Кошечкина просматривает готовые детали.

Фото С. Гурарий, Г. Петрусова, А. Швайета, Э. Романова, П. Трошкина, А. Висенберга, Е. Иглатович.

Враг*

В. Кетлинская

Рис. Н. Муратова

Вера Подгорная вышла за ворота Ботанического сада и тихонько пошла по Несоной к своему дому, не обращая никакого внимания на выгнувшуюся пальму зонтов. Все это время она жила, заминаясь себе, в своих горе и в своих мыслях, и сложность ясных жизненных решений пугала её больше чем немецкие самолёты. Две недели назад её развлек в Ботаническом саду какой-то сервант. После этого она задумалась божьими, бесконечно смеявшиеся одна другую воздушные траты, после этого божба ушла в оранжерею и весь персонал несколько суток не уходила с работы, спасая от осяевого холода настоящие тропические растения. Все это было после прихода серванта, но Вера отглаголю помнила только разговор с какой-то женщиной, сервант. Потом, медленно перед ней как стена — обрала-мил, весело, невнятно.

Тогда она стояла среди кустов красных роз, которые отдала под её руку Юрий, уходя в армию. Розы в этом году выжили плохо и пышно, как всегда. Она срезала розы и, случайно подвигив голову, увидела главного садовода Терентия Лявонова, приближающегося к ней с резанной головой. Она сразу поняла, что военный пришептал кисти Юрия, может быть, потому, что оба шла молча и издали всматривались в её лицо.

— Вера Лявонова, к вам, — сказал Терентий Лявонов и свернул мимо кустов, не подходя здороваться, и тогда Вера поняла, что истинное злое.

— Сервант Воробьяна, — представлялся военный. Вера обратила внимание и сказала тихо:

— Скажите сразу. Сразу. Так будет лучше.

Воробьяна всматривался в её старческое и строгое лицо, потом его взгляд скользнул по её фигуре и снова затормозил к её лицу. Должно быть, он знал, что она беременна, и боялся погрязнуть ей.

— Ничего, говорит. Только сразу, — повторила она и вышла его за руку.

А сервант вдруг поджал к губам её руку и потеплело неужелюбе и робко, и на глазах его показались слезы.

— Вам मुक много говорит о вас, — сказал он, — он говорит, что вы настоящая русская женщина — добрая, смелая, красивая, не часто мук говорит так о своей жене... Я всё мучался, идти ли к вам... Убитый он узнал или равней, не знаю... Может, в вашем положении лучше ничего не думать? Но я подумал: может быть, вам укажет лучше или помочь надо?

— Его не слыши? — спросила она.

— При отступлении это было...

И тут она сказала слово, которое сама изговорила, но они жили в ней и теперь как спертая, горькая молитва:

— Пусть бы уж он был убит!

Потом она попросила:

— Подейте! Подейте!

Они шли по аэродрому, среди чудеснейших цветов и деревьев, горевших всеми красками осенней, прощальной красоты.

— Завит, вы оба злит и завидуете? — злое слово сказал Воробьяна. — Красная у вас профессия...

Она торжественно рассказала этому чужому человеку, что выросла в Курской области и с детства увлекалась за болотными, грушевыми и яблоневыми садами, а Юрий рос в Украине и оба они любили свою профессию, пять лет работали вместе в Ботаническом саду и думали, что так и будут жить.

— Помните? — спросила она. — Ведь это всё для человека, для того, чтобы люди жили красивее, богаче, лучше!

Прошло много времени, прежде чем она собрала с силами и смогла выслушать подробный рассказ Воробьяна о том, как погиб Юрий. Они сидели на скамейке у маленького пруда, и Воробьяна сидела медленно, всматриваясь в лицо, прошептывая вместе с Юрием их разговоры, их обон и последний год, когда Юрий упал раненым.

— Тогда трудно было хорошо держаться, — сказала она, — но что амука вышло моего худого не помню. Хороший был человек. Неумный, правда, но стойкий.

— Он никогда раньше и вытотки не держал, — сказала Вера. — А душа у него сильная.

Они уже прощались, когда она неожиданно потеряла власть над собой:

— Скажите мне, что его убило, что он не мог выжить, к немалой. Вы его мало знали, но вы никогда, никогда не смейте быть так близко к нему, потому что он задушил первого немца, который к нему подошёл бы. Скажите, что он был мёртв, а вы видели как он упал, вы же должны помнить, когда человек падает мёртвым или раненым.

Прощая Воробьяна, она пошла к Терентию Лявонову и сказала:

— Юрий Осваиний убит... Убит!

— Может быть, ещё оживётся, — начал Терентий Лявонов.

— Нет! — крикнула Вера. — Я говорю вам, что он убит! Я знаю!

Так она и жила с тех пор в колдовом отчаянии, с единственной страшной надеждой, что сморщится Юрий от позорного злорадия, от издевательств и пыток.

Сегодня Терентий Лявонов сказал ей:

— Столько горя сейчас вокруг, что даже не знаю, надо ли ещё цветы растить... Коми они нузаны? — заметил?

— А жинь? — спросила Вера с отчаянием. — А жинь мне нужна!

Но жинь была нужна ей. Жинь была нужна ей даже не потому, что ей предостало в муках родить новую жинь — продолжение обрившейся жинь Юрия, — но потому, что не жить — значило сдаться. А сдаться она не могла, и Юрий не мог. Разве сейчас они божьими без злого нам в лицо: «Славьтесь!» Нет, надо жить несмотря ни на что...

Она уже подходила к дому, когда прямо над ней взвилась в небо и волшебным дождем рассыпалась ракета. Она остановилась. Волшебный дождь разлетелся, и всё было красиво, но красота Вера не видела — она видела, что вот они здесь, и злесь тоже, убитый! Они заволокли в наш город. Какой-то привратник подошёл и подползла к нему, и он встал и не двигался и не подполз, а машинах, наружных тонахн взрывного груза, мчата на сигнал и несут смерть.

Откуда он стрелял?

Она стояла, невнятная в темноте, боясь дышать. Откуда он стрелял, кто убила? Она не могла думать, что она сможет сделать, — он просто нужно было знать, кто он, этот убила. Откуда он стрелял?

Теперь она уже не была погнута своими мыслями и впервые за две недели ясно и ярко почувствовала всё, что происходило в её жизни и в мире — как реальная жинь. Каждую тень подмечала её внимательные глаза, каждый звук улавливал её озорный слух. И когда так самовольно пребывала в проклятом замкнутом мире нузика, она спокойно, охватывая напряжённым вниманием ушну, тёмные дома, вспыхивающие вы-

ражения небо и жидка: не выстрелит ли он снова, чтобы укасть 'самолёту' цель?

И он выстрелил.

Ракета взвилась и вспыхнула, путь её в темноте был не виден, но все веры Вера была так потрясена, что по еле уловимому звуку она вскинула голову вверх по фасаду своего дома и не столько увидела, сколько почувствовала, что по второму описе четвёртого этажа заглохнула форточка.

Она ещё несколько минут смотрела на это окно. Темно, молчаливое окно. Зачем сейчас, во время воздушной тревоги, открывать форточку? Коми прийти в голову проветривать комнату, когда воздух сотрясается от гула и пронога? Но, может быть, её покказало? Нет! Форточку заглохнула: вот там — во втором описе четвёртого этажа.

В домовой конторе, где сейчас помещался штаб ПВО, догворила Зинаида Лявонова, жена профессора, смелая, нарядная и крикливая. Вера всегда избегала её с инстинктивным недоверием, так как она считала её сдержанным и дружелюбным человеком ко всему человеку, амуком, показавшему. Зинаида Лявонова наконец подошла для того, что собралась делать Вера, но медлить было нельзя, и Вера строго, повелевительно вызвала жену профессора на ушну.

— Кто жинь? в тот идиарте?

— Это рядом с жинь, — испуганно сказала Зинаида Лявонова, — а что?

— Кто там жинь?

— Божь мой, там профессор Осваиний с женой, с Милочкой. Знате, такая модная женщина жиньная дома, его новая жена, он недавно женился. А затем так приворот, Фрось, и всё как будто. Нет, у них сейчас есть родственники Фрось жиньт — бещеци из Книгпестра, Старик, Милочка такая старечина — она их упустила в квартиру... Божь, божь, слушайте, Вера Давыдовна! Вы так наугад, что у меня колени дрожат...

— Подейте наверх, проверим квартиру. Оттуда пускати ракету.

Зинаида Лявонова ахнула и на несколько секунд зашевелилась дара речи. Вера увидела, что она всё трясётся, и уже покказало, что вызвала её на помощь, но Зинаида Лявонова вдруг всё подалась, как котёнок перед прыжком, кричала павод к губам и затем заговорила с уверенностью и энергией:

— Вот мой план! Набь в божьбешечку. Смиртан, все до них спустившись и его оставил наверху. Потом идите проверять, затмение. Я ответственный дежурный, меня обязаны спустить, да и они же меня знают!

— Подейте, только покосере.

— А милиция не выловит?

— Вызывайте. Но жидь не будем. Варут он ещё раз выстрелит!

Следом за Зинаидой Лявоновой, Вера не мог испугаться, и всё это, не выйдя из немощности и отыма. Но она отогнала сомнения — всё точно, форточка заглохнула, Второе окно, четвёртый этаж. Зачем во время тревоги, ничто отходить форточку?

В божьбешечку Зинаида Лявонова вышла и профессора с женой, и Фросю, и спутнику-бещецину из Книгпестра.

— А делушка тут где? — спросила Зинаида Лявонова таким ласковым и невнимательным голосом, каким, например, говорила о мужке, когда обнимала его.

— Наверно, государица, наверху — зашла старуха — пог у него разболелась, не может она по астинам ходить...

— Вот и плохо, что наверху, — сказала Зинаида Лявонова — у вас не затмение как смелает, а она Фрось жиньт, второе окно с жинь так и светится.

Фрось исполнилась:

— А что он там делает? Там же стогозав? Не делкин он куда поделет! Вотем!

— Подейте, проверим.

Потом они поднимались, Фрось ворчала:

* Отрывок из романа «Восход».

— И, не рада, что приняла... Такой вредный старик! Старуха-то его — мне тетка, она живого, толка стоит да жалости имеет. Не люблю тетку! А старик раздвёг, бросил у себя дома, ноги у него, вшивы, болта, да сердце захлопнётся, да желудок ёкает... Сидит и сидит, прямо глазами вымокает. И чего он в столовую лезет? Я ещё позавчера заметила: как пришли после трёх часов, стала навирать историю, на ковре пепел обрвали да мажорный пажет. Ну чего бы жевать в кухне коматы? По бифштекс шарики? Я хоть и закрываю теперь всё, а продаю что-нибудь, с кого спросить?!

Они уже поднимались от третьего этажа к четвёртому, когда Зинаида Львовна схватила Фросю за плечо и, сама замором от ужаса, прошептала:

— Там! Этот старик — шаман, понимаешь! Мы должны вернуться в квартиру так, чтобы застать его на месте. И связать! Как я махну тебе рукой, так верёвки и вяжи, поняла?

Обомлевшая Фрося беззвучно повернула ключ в замок. Зинаида Львовна с Верой бросилась в столовую и чуть не столкнулась со стариком, шедшим навстречу с ручным фонариком.

Не растерявшись, старик загворил следящим голосом:

— Слава богу, хоть люди пришли, не так страшно... А то прямо места себе не найду... нальба такая стоит... дом трескётся... Ой, даже сердце захлопнётся! Уж скорее бы помереть...

Вера прошла к окну и в потёмках нащупала форточку — она была прихлопнута, но на задвижку не закрыта. И к самому окну был прихвистнут стул: очевидно, старик влезал на него.

В освещённой передней она посмотрела на старика. На продолговатом сморщенном лице торчали жёлтые уши и мигали ведроверные, настороженные глаза.

— И откуда у вас фонарик поднялся, дядя? — спросила Фрося, усевшись в Зинаиду Львовну.

Вера не слышала, что отвечал старик. Её одна умикала взглядом, следовало, ей она не могла этого врага — она знала. Он выстрелил медные раскаты для немцев самолётов. Может быть, его завербовали в Кингисеппе совсем недавно, может быть, он уже много лет опытный шпион — это тоже вполне следовало. Ей достаточно, что перед ней враг. Первый живой враг. Наёмный подлец или подлый фашист —

какое ей дело до этого? Враг перед ней. Враг! Это он — ВРАГ — убил её Юрия или замучил его в плену! Это он лезет, крадётся, просачивается, нападает, бьёт, жжёт, истязает и калечат её город, её землю — плодородную и цветущую!

Не растерявшись, старик загворил следящим голосом...

шук, — её народ, её дружок, ВРАГ — вот он, убийца, вот он — её ВРАГ!
Она смотрела на него и уже не видела реального старика, стоящего перед ней в смущённой и колебательной позе. Она снова погружалась в свой горестный, гневный и мучительный мир и уже внутри этого своего мира увидела мерзкое и страшное лицо ВРАГА.
— Убийца! — закричала она и прыгнула на ста-

рфу, стиснула его шею руками и стала пригибать его голову к полу, замыкаясь от гневной радости, что враг в её руках.

— Верёвку, Фрося, верёвку! — заахала над ней Зинаида Львовна.

Старик вывернулся и отшвырнул Веру, весь напряжённый, злобный, готовый и борбе. Стукнувшись спиной о вешалку, Вера с острым испугом возопила: «Ребёнок!» — но она не могла ни остановиться, ни отступить, она жаждала борьбы как утоления. И она схватила пальку с серебряным набалдашником и кинулась на старика, сочувствия, чтобы защитить от удара свой живот, и перед ней мелькнула рука с резальвером, но резальвер вынул, потому что Фрося каменной ударил своего дядю по рёбрам, а Зинаида Львовна, визжа, подбежала со стулом в поднятых над головой руках и обрушила стул на голову негодяя. Старик ушёл, а Вера ушла на него и крикнула:

— Выхите, а то я его задушу!

Негодяй кричал, вращая белыми, и подкапывался всем телом, не по-стариковски и мускулистым, но Вера не отступила его, пока Фрося и Зинаида Львовна не скрутили его верёвками по рукам и ногам.

Потная, захлывавшаяся, радостью возбуждённая, Зинаида Львовна послала Фросю за машинкой и подошла к зеркалу поправить прическу.

— Боже, какой у меня вид! — воскликнула она. — А ведь мы с вами повели такую пташу, что нам по крайней мере благодарности объявят, правда?

Она наударила нос и лобозно протянула пудреницу Вере:

— Хотите?

Вера, не отвечая, медленно встала. Счастливыми, нежными глазами смотрела она на Зинаиду Львовну.

— Послушайте, — прошептала она и притнула руку Зинаиды Львовны к своему животу, — шешелась!

Да — радостным шепотом подтвердила Зинаида Львовна: — Боже мой, дорогая! Вы не поаредели себе?

Вера покосилась на связанного врага и впервые за эти дни улыбнулась:

— Повредила себе? О нет!

Я вечером шёл по Неглинной,
И вдруг закричала сова,
Как будто бы шёл я низинной, где толкё
как будто бы шёл я холмами, где в будущем
встала она.
Премудра своими умами и девушками красна

Хрипела сова,
Шумела птица,
Шелестела трава,
Низко пахнуло и тной...
Вот что я очутился на Неглинной.

И повял я
Тык, споевирено
И трепать могу наву
Лечь в силу того, что недавно
Назад я вернулся в Москву.
Вернулся из чёрной пустыни, где анытася
города,

Которые были, а ныне от них не осталось следа.
Исчезли и не воскресли.
Шумят там, как древа, трава
Вот так бы и было бы, если
Врага не сломали в Москве.

**НАЙДУ Я ДОРОГУ
В МОСКВУ**
Леонид Маргитов

Кричала б с развалин почима сова,
Сначала бы выросла только трава,
Потом зашурмела бы снова листва
Вот здесь, на Неглинной,
В долгие пустыни.

Ковчею,
Они бы ждали оставите тебя, как Париж,
Но вместе с тобой бы пылали,

Пылали, когда ты горнишь.
Ведь ты не жила бы под игом,
Разрушилась бы сама.
Я тайно уверен, что мигот
Исчезла б сады и дома,
Исчезла б и не воскресли
Бульвары, дворцы и мосты.
Я знаю: так было бы, если
С врагом не расправлялась б ты.

И тут очутил я шие.
Почувствовал, будто бы вдруг
Я где-то за древней стеною вне города.
Тихо вокруг.
И между деревьях корявых, вздыбившаяся ступля
ко мне,
В доспехах, от сырости ржавых, я еду на
орудном коне.
Мне тугосно в этой равнине, совсем одному,
под дождем.

Вдруг кто-то кричит мне:
— Добрыня!
Добрыня! Ты бискоз? Мы ждём!
Добрыня! Обидел нас вороз!
Нет, дома. У нас дом возведён.
Лес бискоз. У нас он нездорю,
И камень добудем хорои.

— Мы ждём! Мы дождёмся! Мы встретим! —
кричала земля. — Я зову!
На смеху развалинам этим построй нам,
Добрыня, Москву.

И нечто я пережил третье:
Как будто бы минуло тут
Три четверти тысячелетия, и травы нивы растут,
Цветы по-иному растут, и выгои нивы мегут,
И вету коня, на котором я ездил, строитель залаг,
А мусья я на поезде скором, который как
будто крылат.
Тувшели, мосты и вокзалы, потоки
нашего огня,
Как-ли-то медные скалы проносится мимо
меня,
И горы восстали грядями, как будто б на
ползлых перлах
Наш поезд гремит городами, которые встали
в горах,
Я вижу знакомые лица, знакомые слышу
слова...

Провинция или столица?
Не знаю. Но это Москва,
Москва!
Уезжал я на скором,
Повишул тебя вторых,
А ты громоздишься над бором,
И с гор ты нисходишь к озёрам,
Продместья теряя в степях,
В пустынях горичих, песчаных, где тлест
квизик, сладковат,
И в дальневосточных лианах, где дикий
созрел виноград.

О! Лес тут дремучий не чакнет,
Гогочет над озёром гусь...
Но пахнет, но пахнет, но пахнет.
Здесь пахнет Москвой — я влянусь!

Под вечер
По гулкой Неглиновой
Машина прошла, грохоча,
Безлином пахнуло, реиной...
И я увидела москвича,
И голос провинциала
Донёлся:
— А как мне пройти?
И чья-то рука указала:
— Избегте. И мне по пути.

И я притагался к идущим.
Я видел их где-то. Но где?
Я здесь, Я в былом, Я в грядущем, Я в воздухе,
Я буду везде.

И где б ни столкнулся я с вами:
В лесу, где хохочет сова,
В пустыне, что слывится львами, —
Где мы, там и будет Москва.

Москва!
Это — славное слово.
Его повторяет любой.
Оно на устах зверолова,
Его пропавшего прибор.
И пахает шепчут сурово,
И волк месёт его в бой.
Москва!
Я повсюду с тобой.
Где был я и, может быть, буду — я тысячи
мест вазову,—

Но вам говорю:
Отговсюду
Найду я дорогу в Москву.

ДОМОЙ!

Фотоочерк М. Редкина

Домой, домой... В свой колхоз, освобождённый от немцев, — в родную хату, из которой пришлось два года назад уйти в лес, спастись от врага... Из чаши болот, из оврагов спешат стокосавшиеся по дому люди. Нетерпеливо ржут кони, везя по знакомой дорожке усадьбы, припрятанные от немцев колхозное добро. «Домой!» — мычит бурьян, чуя двор, от которого не успела отвыкнуть. Весело переговариваются хозяева, прыгают на возах довольные ребятишки. Домой, домой возвращаются спасодемские колхозники!

Идут по просёлку в свою деревню девушки Смоленщины, которых гитлеровцы уже угнали в Германию, в неволю...

— Ой, спасибо вам, товарищи дорогие! Спасибо, что выручили! Побить бы нам без вас на чужой стороне от голоду и позора! — и Вера Политова, Дуся Астахова, Маруся Вишуня со своими подружками наперебой благодарят спасителей, обступили их, радостно и застенчиво жмут руки танкистам Ганярову, Сосна и старшему лейтенанту Пяккару.

Давно не слышали здесь русских песен. Но вот и они, наши родные песни, вернулись вместе с Красной Армией. Растянув мела балла, проиёлся палыани по слалам ротный байнест... Пошла в пляс первая пара — весёлый, лхой сержант и девушка из освобождённого села. Шире круг! Дай простор! Воля пришла!

Лев Успенский

Снова вернулась жизнь! С Красной Армией пришла свобода, свет пришел, книги. Можно опять свободно дышать, говорить, читать, жить правду о жизни Советской страны.

— Ну, дай-ка, хозяйка, в подсобло — враз навесёб краску! — о совидный устый красноармеец Старков начинает ремонтировать выбитые окна в доме колхозникам, где лабезобразничали немцы.

Сколько месяцев не издали здесь люди московских газет! Вот она, «Комсомольская правда!» По десять раз перечитывает молодёжь каждую строку своей любимой газеты.

Вернулась в свою деревню Н. Ближиково, в свой полуразрушенный немцами дом, колхозница П. Белокурова. Подосаба гвардейцы, присели подле хозяйки на лавочку, завели душевный разговор. Тут и гвардия майор Ковачев и гвардия старшие лейтенанты Иванов и Варач.

Ну, машина, как здорово!

А к избе подходит новый отряд наших автоматчиков, и дочь хозяйки радушно и приветливо встречает их у крыльца желанных гостей.

Я живу. Это значит, что на протяжении веков до меня жили, трудились, совершили подвиги мои бесчисленные предки.

От меня до них тянется прямая нить, непрерывная цепочка.

Если Валерий Павлович Чкалов был безгранично смелым, мужественным, сильным физически и духовно человеком, то это потому, что он появился в мир в длинном ряду таких же богатырей. Победитель Арктики, си, унаследовал от своих предков могучее сложение, негнбимую волю, упрямый и зоркий взгляд, крепкую шею и даже оканчивший воляжский гоюор.

Нет сомнения: деды и прадеды Чкалова бурлачили и рыбачили на вольной русской реке, отстаивали её берега от иноземных завоевателей, ходили на лётных стружках по морю Хвалынскому — Каспий — а дальние земли, вместе со Степной Разиным стояли за казачью волю.

Исковы веков особым качеством русского воина была его неудержимая воля и сила в рукопашном бою.

В новгородские времена наши предки воевали на врагов ужас своими «естопулаем», стачками «грудь с грудью», когда копыта и сулицы ломались, бегущим и говоркам не оставалось места для ризмаха и в дело шло национальное русское оружие — ножи «заспаношники». Многие враги, которым нельзя было отказать в храбрости, в отчаянности, в дисциплине и упорстве, оборачивались вопить, как только дело доходило до русской дубины — шестопёра, — до русского приклада, до русского штыка.

Почему так происходило? Потому что в характере русского человека заложено исконное благородное стремление решать всякое дело чистотой, в прямом единоборстве, когда между противниками ничего и ничего не остаётся.

Так любимы сражаться наши пращурцы, шедшие на врага с вою-

Пажий Новгород — как показывает и самое имя его — был основан выходцами из «Господина Великого Новгорода». Предками нижегородских волягеров были смелые ушкуйники Волхова. И, может статься, в крови Валерия Чкалова текла капица буйной крови Василия Бусула, или Гавриила Успенкина, или богатыря Саввы Новгородца, которые былись под стягом Александра на берегу Невы.

А не с ними, так с какими-то другими древними богатырями соединит великого лётника его род. И если Чкалов вправе был гордиться славой, которую он сам себе добыл, он не мог при этом не отдавать должного длинной цепи своих предков. Они, борясь за жизнь, выковывали в этой борьбе твёрдый характер и стальную хватку, они для него, своего прапрапрапрадеда, отстояли право на победу и славу. Ими он должен был гордиться. Каждый из нас вправе гордиться своим родом! Вспоме при одном условии: если мы достойны его.

Имь шитом и рогатиной. В ляхон бою они обрабатывали с себя всю одежду, чтоб не мешала она, и, по словам свидетелей, «лезили вперед, как одерзанные». И праг общинали в бегово.

Но прошли века, и прапрапраправнуки Бусулае сели на мощные самолёты, взяли в руки технику, создававшую величайшими в мире uomini. Какие черты русского человека проявились в этом исковом, непохожем на прошлые бою?

Те же самые! Так же как раньше, из всех солдат именно русские самолётчики, взяли в руки довел воздушную сквадку до лобового удара, до тарана. И так же, как тогда, этот страшный и проворный способ боя только у нас одним приобрёл массовый характер, стал с самого начала Отечественной войны извлекать ужас на врага.

Почему? Потому что за своим идущего на таран русского лётчика как бы несутся в атаку тени его бесчисленных предков.

Они передали ему слово любви к родине. Они дали ему мечты и надежды, и выразили глас и намеряи, и жесты, и говор. Они наделили его упорством и решимостью. Они впервые гордились своим словом и в равной степени он вправе гордиться своими предками.

Гордость родки: «Хорошо тому гордиться родом, у кого он есть!» — скажете вы.

В самом деле, как только мы слышим слово «род», сразу же в нашем сознании всплывает какой-то — «родовитый». В нем нет ничего странного: когда-то слово «родовитый» и вправду означало: обладающий длинным рядом предков. Но ведь неправильно думать, что один из живущих в одно и то же время людей может иметь большее количество предков, нежели другой.

Ведь дело в людской памяти: она удерживает только воспоминание о людях, чем-то особенно отличившихся или известных. А это приводит к тому, что в слово «родовитый» мы начинаем вкладывать совсем другие понятия — «знатный», «слабый», «богатый». О таких людях делались специальные записки. В результате чего существование заурядности, например, было приписано к лицу родовитых, а талантливые крестьяне представлялись как бы не имеющими никаких предков.

В этом заключается совершенно неправильное понятие «родовитости».

Пять лет назад я познакомился с четырнадцатилетним мальчиком, происходившим из деревни Смерди, под Ленинградом, и по фамилии Лелечев. Заинтересовавшись этой деревней, я произвел кое-какие розыски и узнал, что имя этой деревни — «Смерди» означает по-древнерусски «сво-вольные крестьяне» (т. е. нехолопы, некрепостные) и что деревня на том же месте, где и сейчас, существовала уже в XII и XIII веках. Факт этот отмечен в летописях и первенских книгах.

Стало ясно: предки Жени Лелечева, несомненно, существовали и во времена Петра Первого, и во времена Ивана Грозного, и в дни Невского князя. И в восемнадцатом веке, и в девятнадцатом, и в тринадцатом они сражались за Москву и Берлин. Они полагали своим мужицким потом родную землю, пахали и возделывали ее «по тропам и путникам и борозбам топан», по воле и переделки, дедушка отца холма и кося холдаты.

В старых волюнтарных архивах нашлись церковные метрические выписки, и теперь можно было из давнего прошлого выгнать род Жени.

Его отец был старшим рабочим мастером Путиловского завода. Звали его Григорием. Дядя Павел оказался британским моряком, матросом-матройом с экипажа «Генерал-фельдант Кодратенко». Дед Дмитрий шагнул в неожиданный мест: он в 1862 году, вернувшись с русско-турецкой войны, служил при бывшем главном реформаторе Путиловской обсерватории, был весьма уважаемым

работником, любимцем астрономов: отец дед Дмитрий, Марк Иванович Лелечев, родился в деревне Смерди в 1831 году, в 1854 году был солдатом в Севастополе, потерял там ногу, возвращаясь пинальником в родную деревню и снова зайдя за свой крестьянство. Иван Михайлович — прапрадед Жени — с детства участвовал в своей полковой, в Отечественную войну 1812 года ему было десять лет. Отец Ивана Михайловича Михаил Емельянович Лелечев следил за той же отцовской нитью, какое-либо подробности его судьбы узнать не удалось.

И так поколение за поколением,

Гавия же основания гордиться своим родом есть и у каждого из нас.

Александр Сергеевич Пушкин всегда гордился длинным рядом предков — бояр Пушкиных, на протяжении столетий скромно, но твердо слушающих своих родом земле.

Когда «бездородный» прозвищем Фаддей Булгакин задел его родовую гордость, он ответил ему с благородным высокомерием великодушными стихами о своих предках.

Не в меньшей мере гордился поэт и другой своей родовословной

Громады кораблей аспылаза И пал адырме Нарым...»

Пушкин понимал, что в родовословной гордости главное — не число предков, а кем эти предки были и что они делали для Отечества. Он написал гласно садовника: «Если он адырме, то я, слава богу, мечанин!» — воскликнул он.

Для нас, молодые советские люди, в родовословной гордости есть одна глубокая мысль. Она заключается в том, что наше истинное наследие, гордость своим родом, его высшими традициями, стремится проломить силу своих предков, стремится не только не опозорить эти славы, но постоянно умолять их вознмать до или родим.

Незавоимо до войны наш журнал обмнил: рассказ о семье металлургов Коробовых, домостроителей и сталеваров.

Дед Коробов, крестьянин, вместе с сыном Иваном в семидесяти годах прошлого века пришел на металлургический завод. Маленький Ваня Коробов вырос на этом заводе, стал замечательным мастером домашнего дела, депутатом Верховного Совета УССР.

У Ивана Коробова родились три сына. И все трое, воспитанные большими человеком, Иваном, были достойны отца. Все трое они пошла во его дороге, стали, как и он, знаменитыми металлургами, доцентскими, государственными деятелями. Катерина, старшая Коробов будто была расплавленным металлом, а вместо изложницы в жаль своего потомства. Так возникла родковая честь, родовая слава. Так возникло право каждого представителя этой семьи с гордостью говорить о себе: «Я Коробов».

Сложивший из миллионов таких родов, наш народ в дни Отечественной войны с немцами еще раз доказал всему миру свою величие и свою мощь.

Эти прекрасные качества на протяжении веков отличали наш народ. Они дали ему силы столетия сохранять дух истинного, живоегического заветоведения. Они дали ему силу расширять свои могучие плечи и выбирать этих завоевателей как соратника. Они слезами возникли великие распространение нашей родины от Балтики до Берингова моря. Этими свойствами надо гордиться, их надо воспитывать, и поддерживать в себе!

Вот почему каждый наш молодой человек может сказать: «Я — сын и дочь тех, которые сражались в адырме и суровые дни Октябрьской революции и гражданской войны, сражались в адырме и славя. Я должен сражаться так же, как они. Я буду таким же стойким! Мои предки столетиями защищали родину от врагов и создавали ее. Я должен сражаться. Я буду таким же бесстрашным и трудолюбивым! Я горжусь своими предками — мои потомки будут горды мной!»

век за веком тянется в давнее прошлое род Жени Лелечева, шагавшего в наши дни смелым танкетом.

И кто знает, не его ли прапрадедом является тот Митран Лелеча, княжич мужик, родом копорич, который холал с Ярославичем на Бягере, с Яней Полочанином, с Савушкой Новгородцем и отроком Ратисром, любимцем князя?

Равне ред основания у танкетки Евгения Лелечева гордиться своим, вовсе не аристократическим и не мелкопоместным родом?

Конечно, есть!

линей — материнской, восходящей к арану Петра I:

«Реша Филиарти, слая холд. Кто чернил ады мой, Гашпала. Был куплен за бутылку рома И в арану адырме попла...»

...Сей адырме делу был доступен. И холд купленной арану Возроде удержан, непоакупен, Царю адырме, а не раб... И был отек он Гашпала, Пред кем, сред Чесменских вучи

РУССКИЕ УМЕЮТ НАСТУПАТЬ!

Полковник М. Люшковский

Наше государство не веде имеет надежные оборонительные рубежи естественного происхождения. Эта географическая особенность всегда приводила к тому, что русские войны были вынуждены при падении врага выходить ему навстречу.

Традиция наступления стала народной. Она характерна для всей многовековой истории нашей родины. Военные деятели русского народа и в разное время не отступали от этого правила даже в том случае, если им приходилось первоначально вести оборонительную войну.

Итак на нас — такими словами обычно вешали ярлыки — петляков, ханов, византийцев — Свато-слав. И это не было хвастовством. Это было выражение уверенности князя в храбрости своего войска, в яросте своего дяди. Александр Невский, великий полководец русского народа, про которого летописец писал: «Любедна веда, а не победим — ишим же», — тоже наступлением решил задачи обороны. Когда Александр узнал о том, что немцы предприняли поход на Неву, он немедленно двинулся навстречу врагу. При осаждении в Неву реки Ижоры в 1240 году русские войска, атакуя врага с тыла, разбили его наголову.

В борьбе с османскими рабниками Александр Невский сначала берет приступом Копорье — крепость немцев, — затем отбегает от врага Псков, выходит на Чудское озеро, прогоняет там немцев и совершает военную операцию беспощадного преследования противника почти до полного его истребления.

Так же поступал и Дмитрий Донской. Огромные полчища Мамая двинулись на русскую землю и были разгромлены на Куликовом поле. На протяжении двух переходов преследование врага русские и вконец развели остатки его армии.

1700 год. Начало тяжелой борьбы со Швецией. Русские войска недавно сформированы и не имеют достаточной боевой выучки. Но Петр I, ведя бесчисленные мелкие бои и сражения, быстро переходит к наступлению на вражеских направлениях. Сначала он берет штурмом крепость Нотебург, затем вынуждает шведов сдать крепость Невеншан, расположенную при впадении Охты в Неву, и, наконец, берет город и укрепления на побережье Финского залива. Обеспечив себя таким образом на северозападном театре военных действий, Петр переносит войну на запад, к Припутью, переходит на Украину и здесь при Полтаве искусными маневрами выманивает противника в поле. Шведы вынуждены на равнине. Русская армия атакует вражеские войска, уничтожает их, преследует до самого Днепра.

После Полтавы Петр переносит боевые действия на территорию противника: сражается с ним в Филлиппови, в Плевэрини, в самой Шеняи. Измотанный и обескураженный враг алжуркек был в 1721 году заключить мир с русским государством.

Везде и всюду Петр подчеркивал необходимость строгого расчета, осторожности, разумной наступательной тактики. Отмечая значение активных действий, он сказал: «Крепость делает неприятелю отпор, однако у европейцев не находит. Победу решит военное искусство и храбрость полководцев и неустрашимости солдат. Греть их — защита и крепость отечеству».

Во время Семилетней войны 1756—1763 годов русская армия, сражаясь с врагом, была его всюду, где только им встречался. В битве под Кунерсдорфом был разбит полководец прусский король Фридрих II. В 1760 году русские взяли Берлин. В этой войне с немцами вырос военный гений Суворова — величайшего полководца, который с полым основанием говорил: «Русские прусских всегда бивали».

Вся боевая деятельность Суворова — это яркий, стремительный поток активных действий, быстрых, почти молниеносных переходов, яростных атак,

В войнах с Наполеоном суворовские уменья поддержали славу русского оружия. Разгромил и уничтожил армию Наполеона в России, наш войска перенесли войну на равнины Германии и Франции и в 1814 году воздвигли свои победоносные знамена в Париже.

Наступательные бои ведут русские и в первой мировой войне с германскими империалистами. Они наступают в Восточной Пруссии, в Галиции, штурмуют Карпаты, громят врага во время знаменитого Брусиловского наступления 1916 года.

Во время гражданской войны многочисленные армии интервентов и белоэтарпейцев вывали на молодую Советскую республику. Товарищи Сталин, оборона важнейший пункт — Царицын, — громит врага при помощи искусных наступательных действий пехоты, конницы, бронетанков и артиллерийских войск. Под Петроградом товарищ Сталин решает задачу обороны города также путем активного наступления сухопутных войск во взаимодействии с военно-воздушными силами. Он берет штурмом с моря прибрежные укрепления. Войска армии Южного фронта громят врага под Орлом, Курском и Ростовом. У Киева товарищи Сталин проманивает укрепленный фронт врага конницей, осаждают военную технику, и наносит полное поражение врагу Ударная пехота и артиллерия. По плану товарищи Сталин, наши армия уничтожают врага у Каховки, в Северной Таврии и, наконец, проманивает оборонительные линии Пересова и Юшуня. Во всех этих боях беспощадное преследование противника завершает его разгром.

Красная Армия и сейчас решает задачи обороны нашей родины путем наступления. Стоит только закончить противника Маннергейма, разгром немцев под Москвой, Калининском, Тихоновом, Ростовом, Ельцом, Ордоником, беспримерную сталинградскую операцию блестящего наступления наших войск под Ржевом и совсем исцельно под Орлом и Белгородом. Мы наступим теперь не только зимой, но и летом.

Велики силы врага, и многочисленны его техники. Нам приходится сражаться на огромных по длине фронтах. Немцы часто говорят, что оборона является типичной формой ведения войны для Красной Армии. Это ложь. Наша оборона — только один из видов боевых действий. Конечная ее цель — наступление для разгрома врага.

Наступательные традиции в крови нашего народа. Дело армейского командования — в духе этих традиций воспитывать кадры молодого офицера. Ибо только наступательные мы окончательно сломаем врага и добьемся полной победы.

Переход Суворова через Альпы. С картины худ. Поттера.

беспощадного преследования, исключительного упорства в достижении цели. Жизнь Суворова — бесконечная цепь побед: Стоюничин, Орехов, Туртукай, Колтушки, Кибуры, Фоканы, Рымпих, Иомия, Брест, Кобылка, Прага, Ада, Тресьбин, Нилет, Сен-Готард. Чорта мост, Мутевская долина, дальнейшей поход — это вставший на походах в истории русской армии.

У Н А С В С Т А Л И Н

Сталинградское утро — это новые десятки вагонов, в которых приезжают молодые строители, это — начало напряженного

На улицах стало многолюдно. Население славного волжского города увеличивается с каждым днём.

Здесь, у полуразрушенной стены, комсомолки кладут кирпичи нового Сталинграда.

...А здесь, в подбитом немецком самолёте,

НАДПИСЬ НА КАМНЕ

второго дня.

ни пока жовут...

Над просторами многоводной Волги, далеко-далеко разносится звуки песни.

Плывут вниз по реке будущие молодые строители возрождающегося в жизни Сталинграда. Скалкою на своём пути обогнали они пародов, плотов с оборудованными на них домами-объективками, барач с комсомольскими подарками!

Но вот и сам он, бессмертный Сталинград. На пристани играет оркестр; здесь, в мирное время был красивый и удобный речной вокзал. На берегу вновь прибывших ждёт радостная, горячая встреча. А на обгорев, полуразрушенной стене читают они клятву: «Мы возродим тебя, наш родной, наш любимый Сталинград!»

Под звуки оркестра бодро шагает с мотопилами и с сумками комсомольские племё. Вокруг изуродованные стены; они напоминают лицо, закрытое острой. На стене одного восстановленного дома надпись: «Здесь стояла на смерть гвардии сержант Павлов со своими бойцами». Отныне этот дом зовётся «домом Павлова». Над восстановленным его работала со своей бригадой известная всему Сталинграду патриотка Черкасова, инициатор движения «дзюшек», которые обязались восстанавливать жильё дома в часы свободных от основной работы. Жить в городе ещё нелегко. Часть приезжающих живёт в бедных походных палатках, часть устроилась в профбюро автобусов, самолётов... Вот сохранявшаяся бивакад; у входа много впитанных в гангу стальных гильз из грубой, колючей проволоки буря надпись: «Здесь стояла на смерть гвардейцы Жуков, Харламов, Дубин... Сейчас бивакады служат временным жильём молодых каменистых из Кемерово.

Город шумит моторами машин, молотками строителей; на стенах домов, пробитых снарядными, загорелись красные флаги новостройки. Уже началось соревнование строителей. Молодые каменисты Надя Ткачкова и Катя Иванова — первые инициаторы его — уложили за смену по 1350 кирпичей вместо 350 по норме. Этот рекорд побил комсомолец Ада Байшветц, уложив за то же время 1952 кирпича. Но недолго держался и новый рекорд: комсомолец Григорий Христов, уроженец Бессарабии, уложив за смену 7044 кирпича. А когда в июле наши войска перешли в наступление, вдохновлённый успехами Красной Армии Григорий Христов уложив за смену 14 037 кирпичей.

Кончается трудовой день на площади Бессарабского трюмо заиграла разнола. Из горла полотноных палаток, изодолеченных вечерней зарей, из временных приспособленных для жилья полуразрушенных домов бивакаджей профбюро автобусов, самолётов, со стадиона, где проходила кросс-стевкаютс к площадю молодые труженники возрождающегося Сталинграда. Выездив редакция «Комсомольской правды» привезла свежую листовку, организовала концерт и танцы. Весёлые, бронзовые от загара молодые строители веселятся и отдыхают.

Фото и текст В. Микоши

У ногилы святой
встан на колени.
Здесь лежит человек
твоего поколения.
Ни крестов, ни цветов,
не показываются флаги.
Серебрился кусок
алюминевой фольги,
и подсушок пустой,
и осколок гранаты.
Неразлучны они
даже с мёртвым солдатом.

Ты покорой о нём,
молодом и несёдом.
В скором первом
он кончил
среднюю школу.
У него на груди
под рубкой хранится
фотоарточка той,
что жила за Царницей.
... У ногилы святой
встан на колени.
Здесь лежит человек
твоего поколения.

ДОЖДИ

В Поволжье
в июле
пришли холода,
осенила непогода.
Крыши текут,
по вою вода,
за день не вычерпать воду.
А вдалеке
идут до Москвы поезда,
до Горького — пароходы.
И как не мечтать мне о тихом тепле.
Ну, как мне не бредить
теплом,
когда
на разорванной телем земле
мы в узких траншеях живём.
Шумит
по ночам
приливные дожди,
с обрывов свозавет лавина
на наши земляники,
на блиндажи,
тяжёла,
ржавая глина.
... Мне мастер
вчера сапоги одоляла,
чтоб я
на лесах не простыла.
И я никуда не уйду,
ржавая полкочка
не вернусь,
пусть мимо идут пароходы.
Меня не пугает окопная грусть,
осенила непогода.
Когда мне становится тяжело
и думаю о покое,
и вижу:
ты входил в родное село
с перелетной рукою.

ПИСЬМО С ВОЛГИ

Я бы мог
от правды отступить
и тебе написать обо всём:
о солдате,
о смышленном солдате в степи,
о подвале,
где мы живём.
Мне не хочется
письма отсюда стронить
(лишь бы знала я,
что ты жива).
Здесь нудны,
как гвозди и кирпичи,
все известные мне слова.
За два года
столько раз запелась
(маме этого не пишу).
Я теперь,
как бинты,
отдаю злость
от своей беззаботной души.
И родился закон
в орудиальной палате:
можешь
встретим в сражении лечь,
но не смеешь
ни строчки оставить себе,
ни удара серапа
сберечь.
Потому что здесь песни
нудны, как жалёе,
и стихи,
как колоды с водой.
Ты простишь мне,
конечно,
как прошла —
с передовой.

ПОДКОВА

На тропке непутевой,
где конюха прошли,
ржавая полкочка
валется в пыли.
Затоптанный,
несчастный
сражений след.
На дне Сухой Мечётки
Я отыскала отвт.

Здесь оступилась лошадь,
Сражённый наповал,
на белую пороху
кавалерист упал.
Бойца на нашей части
люди погребли.
Положово несчастья
находку нарекали.

ДЕВИЧЬЕ СЛОВО

Юлия Нейман

Рисунок Н. Мурагова

Много говорили, и ещё больше будет говорить о первом дне войны. Сейчас нам хочется напомнить только об одном — о том, что в этот день первыми же выстрелами, открывшими счёт нашей смерти, была убита заводская «фраза».

Слова потребовали нас к ответу. Кроваво и жёстко предостало нам подкрепить любовь к родине, любовь к народу. И любовь к любимым! Потому что этой войной прежде всего обурядили к нам великой разлукой.

Отходили на запад стояла. На первых больших и малых городах стояли женщины. Молодые, старые, красивые, некрасивые — сейчас все они казались немного похожими друг на друга: их порывало горе.

И две женщины, стоявшие, обнявшись, на одном из дощатых переездов, сейчас тоже казались сёстрами, хотя в обычное время недалеко было бы заметить сходство между смуглой коренастой Тоней и светлогривой — Лелей.

С одинаковой растерянностью глядели она и вездё все уменьшающиеся поезда... Разве они думали об этом всего несколько дней назад, когда шли метром на кино в душевные перекуды выгабалих так, что, хотя городок стоял совсем не у моря, казался, оно вот-вот блещет чешуйей за поворотом! И Лейла с Алёшей, едва оставшись одни, никак не могли наговориться в тот вечер, вторгшая горькие, давно сказанные и всё равно только шероховатые проносимые обещания и слова. А Тоня с Сашей всё говорили не о том.

Назавтра грянула война. И только сейчас, перед отъездом, в сутолое вокзала, всё было сказано — наспел, скопано, но совершенно лопотно. Это были не такие слова, о которых Саша мечтала. Когда лял и сорогание пробрало по всему составу, они поцеловались в первый и пока в последний раз — сухо и неловко. Из всего, что Саша проформал Тоне на прощание, её запомнилось только: «Невеста моя, берега себя для меня» — и как она молча кивнула головой. Потом поезду пошло, и люди на ступеньках и в окнах стали делаться меньше и меньше, черты их стравлялись, лица стянжились в точки. Последней вагон — инкто из провожающих не помнил, как это случилось, — в одиночество оставило оставшихся — первый, острый приступ одиночества.

Женщины возвращаются с вокзала. Вдруг она оказывается лицом к лицу с городом, с жизнью, со своими страданиями — инкто больше не заслонит себя. Поёбе это всё будет не так, но сейчас ей кажется, что они один на свете; первый приступ одиночества сажает горю всем: матерям, невестам, жёнам, даже не любящим мужей жёнам.

Есть и такие. Вот одна из них озарилась жёлтой — даждядаждядаждя жёлтой жёлтой. Она не так давно пожелтела, но она уже выяснила: саблана обшита, она с Павлом разные люди. Её

жизнь в работе, в больнице, у операционного стола. Ни о чём другом он и говорить-то толком не умеет. В театр или на концерт его не вытаскишь, в гости к нему приходит также же, как он. И Алёе скучно, скучно, скучно... К тому же и денег всё время не хватает; приходится иногда отказываться себе: то в новом платье, то в безделушке. Правда, он как будто любит её, он так улыбается, когда видит её! Но что ей в этой любви?

Она открывает ключиком дверь и входит в пустую, тёмную комнату. На круглых деревянных ящиках лязг. В шесть Павла обычно приходят из больницы. Очень сильно хлопала входящая дверь, шумно отдалась шпала, в комнату вторглась шум, запах табака и улички. Кажется, она скучает? Глулости. Это не любовь. Это только привычка.

ПИСЬМО ТОНИ

«Привычка говорить с тобой? Не то слово. Неодобность. Ты и не поздравляешь. Сашка, что обо всех своих самых важных делах и сообщалась только с тобой, чаще мысленно, правда; но я ведь знаю тебе лучше, чем ты сам, и лучше тебе за себя же отвечу.

И ты, я знаю, ты согласишься. То есть ты, конечно, испугалась за меня и нечестно отговорила, потому что тебе надо, чтобы я был целым, но тут-то и тебя и поймаю. Ведь тебе нужна я, Тонька, какую ты любишь, а эта Тонька никак не может сейчас забраться в тал, она тогда перестанет быть собой, изменит себе и тебе.

Видишь, что я тебе скажу: другая, может, и правда была бы уехать, а я не могу. Если я откажусь от этой работы, — кому ж тогда идти? Во мне столько ярости сейчас и алости, столько веры в себя, что прятать это подло. Я иду, потому что знаю: я справлюсь; а справлюсь потому, что так люблю тебе. Помини у Маковского:

«Любить, это значит: в глубу двора вбьёт и до ночи грабней, бьётся торомом, рубит дрова, силой своей играючи».

Понимаешь, Сашка? А себя-то я для тебя сохранил. Вот увидишь. И какую! Ещё лучше, чем была. Да нет же, нет, всё понимаю. Сашечка: что это не шутки, не играючи, что всякое может случиться. Но иначе не могу, так же, как ты бы не мог, не могу я кинуть в талду... Наша любовь — инта такая, инта такая с тобой, чести мне веселит не притягивать. Пойми, я знаю, ты поймёшь, и не сердись. Целую и верю, что увидишь. Это бы ни случилось, твоя Тоня.

Горше всего, что столько времени не буду по думать о тебе писем».

ЛЕЛЕ ТАК ЛЕГЧЕ

В дни, когда немцы ворвались в родной городок и Тоня стала разведчицей партизанского отряда. Лейла поступила в один из московских институтов. Не так проставажна она себе перама гола своего студенчества, а не в такой Москве мечтала.

Эта Москва смотрела на неё слепыми окнами, к деревянной обшивке чуточку жалась гола истерых меничков. По шорохе шли машины, увешанные зелеными ветками, в которых не было ничего праздничного. И всё маще и прозвонительней жила в сирени.

От Алёеся не пришло писем. Родители жили на Украине. Там, где косяло было детство, расплывалась теперь мутное, странное пятно, и Лейла казалась, что все связи с прошлым обрублены, всё переломамо, смято, выжжено войной, война уничтожила прошлое и будущее. Осталось только сегодня — ёбное, бесправное, с хвастающим за лужу криком сирен, рызанным фугасом, отпугивательным февремором осветительных ракет, и прожить в этот сегодня трудно.

В квартире старой и глухойкой Тети, у которой поселилась Лейла, жил инженер Васильев. По ветерам к нему часто приходили товарищи, девушки, и если не было воздушной тревоги, в его комнате раздавался смех, а иногда и гола патефона. Лейла прислушалась к нему с печалью и завистью: в несёвшем тёткинном жилище было особенно уныло от завышенных одеждок окон, а унция, с которой Лейла только что вернулась, была черна, как колоден. И Лейла обрвалась, когда, как-то стокнувшись с ней в переулке, инженер сказал:

«Чо вы тут скакуете, девушка? Подбейте к нам, у нас шеселе».

Вначале Лейле не нравилась гости Васильева — мужиком, унорно шатающийся остроат; решительные на язык, гола выкрашенные девушка. Но она очень быстро выучилась разговаривать на их языке, так же можно привлекать к какой-то фразе: «Эх, жавяби только рад!» Хорои они пели песенку:

«Ов сидел на полкозине»

И смотрел на небоксон.

Что сказать нам о покойнике?

Не любил фугасок он».

И странное становилось забавным, и забавно было жить, не думая о том, что вперед, а Лейла отходила всё дальше.

Теперь не было жутко возвращаться по вечерам домой. Васильев заходил за ней в институт после работы. И хотя он был совсем не такой красивый и сильный, как Лейла, он так крепко и уверенно шёл её по темным улицам, что Лейла перестала чувствовать себя одинокой. Остальное случалось

само собой, и когда поздней Ляля припомнала, как это вышло, ей представлялось, что всё было по сие. На пороге она подала об Алёше, но сказала себе, что по утрам, может, завтра её толкает. Последней оперируемый свит со стола. Оды распространяе обстрем, хирург выходит на возду, садится на пенёк, вздыхает. И тогда же вспоминает про Лялю.

ПОБЕГ

...Теперь больше незлодио. Тепло горит, истерично поблони, истерично, вымороженое ледяной водой. Всё равно они не добьются от неё ни слова. Да и не так уж трудно молчать на допросе, когда всё внутри судило, всё наколено до последней степени презрения и гисмом.

Хуже другое. Хуже, что доверяя себя на внутреннем предательстве, на жалкой мысляшке: скорей бы концы, скорей бы, как Вало-телеграфистку, выдернули на береж — и иривка.

Врёшь, Тоня, тебе нельзя удрать! Ты Саше обещала не умирать. Слышешь, Тоня?

Сашенька, вот она лежит на полу, истеричная, обезображенная новега тило. Лицо у неё распухло, глаза не вытара, руки и ноги — в крови. Выплати, не сбегает себя для тебя. Кто сказал мне сбегать? Лоя! Это ты не сбегает, кто дрожа за себя, за жизнь, за шкуру свою, инкут у ремня руки, те не сбегает, кто забыл свои клятвы, свою любовь. А я всё та же, всё такая же. И если жизнь лянусь, так недаром. Сирси и отряд, у командира спроси, пусть расскажут тебе, сколько лет пошла в Тоня-развлекать.

Сашенька! Коинтиса ирива — ты верилась до мой в орден, а меня нет. К кому пойдёшь? К другой девушке? Что ж, я никогда не ревновала тебе: это же смешная казалась. Я знала, что для тебя только я, а для меня ты — никого другого не может быть. И для тебя же же. Как же это я смею умирать, как смею оставлять тебя одного?

Ох, дивитесь же хочется! Мне сейчас нет, хорошо, тепло, так бы и лежала до самой смерти. Старый сарай-то, совсем как у нас дома. — Понини, Сашенька, когда мы с тобой были маленькими, мы ека заперли в сарай, хотели дружить. Пришли утром, а ека нет: подрыла землю и удрала виле.

Подрыла землю? Девушка приподнимается. Спиравец на руки, как животное с перебитой спиной, ползёт она вдоль стены, вдоль другой, третьей. — И вдруг останавливается. Из-под брёвен в этой стене тает холодом. Она прижимается к земле, цуянет. Нет, она не ошиблась: шель.

Часовой у двери сарая тает дилниву песню. Ему скучно и холодно. Скучно сторожить вострой сарай: девочку разделили так, что хоть носреди поля брось, никто не уйдёт. Часовой вёт песенку, в которой часто повторяется слово «Любезно-любиво». И он не подозревает сейчас, что за его спиной это, мёртвое для него слово делает чудеса, что по ним него ползывает существо разрабает шель, раздвигает лёд и, распластавшись, прижимается к земле, из последних сил, позком выбирается на волю.

Минуты две Тоня лежит неподвижно. Ночь, спящее, пусто, тепло. Часовой вылезает по ту сторону сарая. Девушка ползёт к снежной канавке. Скатывается, поднимается. Она не свлязла. Им не пришло в голову, что это истеричное тело ей способно к сопротивлению. И она не поверила бы своим глазам, если бы увидела, как, опустившись и пошатываясь, но всё-таки быстро бежит она по болоту, возмужно снегу к лесу, вперед, напугану шель, свободе, своему Саше.

«Я ПЕРЕЧИТАЛА СВОЮ ЖИЗНЬ, ПАВЕЛЬ»

Письмо от жены было необычно длинным. Прелесть письма состояла в том, что чередовались длинные слова о себе, о ней, да и всё в гонимом, краткие новости о знакомых. Это же было заманчиво больше, и как назло, едва только Павел прочитал несколько строк, его вывели в палату, и там правили раненых и операция пошла за операцией.

Он давно привык к крови, к стомам, к искарёженным, разным мускулам, но трудно привыкнуть себя к тому, как остоверённо, плава и ругается, люди отставляют свои руки и ноги, как они умно-

дят, требуют не резать, а он знает, что плаче нельзя, плаче газрева, смерть, и он делает по-своему. Тяжко. Знаешь, что прав, и всё же чувствую себя едва ли не толком.

Последний оперируемый свит со стола. Оды распространяе обстрем, хирург выходит на возду, садится на пенёк, вздыхает. И тогда же вспоминает про Лялю.

Он навинчат читать его с того места, где остановился.

«...я все мечочи стал отходить, — читает он, — должно быть, мозоку моя дилна работа и гонитала. Столько страданий и смерей назидалась, что все мои недозвоства — оттого, что скучно и что у меня палево меньше, чем у Люси. — всё это оказалось пустяками. Я тогда перечитала свою жизнь заново, ивнись, как взрослый перенимает книгу, читанную в детстве. И я поняла, что в ней самое главное. Главным оказался ты.»

С этими словами смотрела я на твою картинку, вспоминала твои слова и поступки. И всё же ивнись, что ты настоящий, что я тебя люблю, и мне странно стало при мысли, что я погоне за мальчишескими и едва не утеряла больше.

И вот в ставке боковой. И богата мои чувствами, оно поднимает меня, и не нужно говорить о долге: так легко и естественно отказывает от мелких удовольствий, отходить какие-то ужаснейшие.

Но что ты сравняешь с моей любовью? Опустишь её — значит измалеть в себя. Изменить ей — значит изменить самому дорожку. Знаешь, это — почти то же, что изменить родисше.

Повида, правда, не свейся — это в одном ряду. Оды мои нола приятельница — она любит нить до пашню выражаться — сказала как-то, что мы, женщины в тылу, должны сейчас быть героини войны. Вынаше мне показались это выколывание, пустые слова. Теперь я думаю, что она права. Герой жинья — это тот, кто теперь, во время войны, когда так просто решить жить только скучно, когда востра не ассерии, когда на страже своей целостности, чистоты, своей большой любви. Если мы будем такими, — мы будем достойными вас, героев фронта, и это наш бой, в этом наша великая честь, честь советской девушки и женщины, честь человека.

Видишь, как я расплескался. Далеко невольно перестыть.

Целую. Тоня Аля.

Павел улыбается и кладёт письмо в карман: ему пора делать обход. Он входит в первую палату. На крайней койке переднего ряда лежит молодой лейтенант, но так давно пришло ампутировать ему правую руку по своему плечу. Рядом с ним сидит сестра и вгляд по его диктовку.

— Как дела? — спрашивает врач.

— Хорошо, доктор. Вот письмо диктовку. Никак не пришлось ещё левой. Пшну одному человеку.

— В любви человек-то?

Алёша кивает головой.

— Как, по-вашему, доктор: напишет она мне? — спрашивает он с тревогой.

Врач наизуляет в кармане своё письмо и отвечает уверенно:

— Напишет. Непременно. Ещё как напишет!

• • •

Но Ляля не написала.

Месяц через два, когда Алёша стал выходить на улицу, вечером он стоял в госпитальном садике. Лунаые итпа блуждали по земле, старые тополя дурнали, совсем как в их родном городке.

Кто-то сидел под старым тополем, до слуха Алёша доносился звук постукая и аволюнование: «Не забудешь?»

И Алёша горько улыбался.

Шумят старые тополя. Мураше тополя слышат много горячих девичьих слов и знают, что женщина чаще всего говорит их от чистого сердца. Но между часом, когда в вострге и замриван исчезают эти слова, и днём проверки улетает много воды и сердце стареет. А, может, не стареет оно — просто скрывается до нормальной своей, буднично малой величии, и девушка не может постичь, как оно, склудное её сердце, вечно такое. Девушка иногда забывает слово не свидетелей, которые напомнили бы ей об этом: тополи нем.

О, если бы за каждое наше слово, сказанное даже самому себе, мы вынуждены бы отвечать, как это верно поступил! Если б знали мы, что востде каждому вернее идёт неутомимое утро, требующее нас к отгату за всё, сказанное накануне, что каждый наш вечер — последний перед великой проверкой!

Мыс Мысылко — прославившаяся «Малая Земля» — зворилась с званием Красной Армии. Новороссийская свою героическую историю. Здесь, на прострестве в двадцать два квадратных километра, мужеством сравнялись морские пехотинцы Гора Советского Союза ивиря Цезаря Куинсио.

Вот они, солдаты Мысылко.

Крайний леворядный гигантского фронта Отечественной войны — комсомолец-пулемётчик Анатолий Водников, истребивший десятки немцев.

«Я буду убивать фрицев из их же пулемётов» — как-то сказал комсомолец Валентин Виноков, отважный солдат.

И во время ожесточённых апрельских боёв он сдержал своё слово.

Там, небольшими группами уходили комсомольцы Мысылко выполнять боевую привяз командира. Их было не «Малой» змалеть немного, но каждый из них стоил пятачку.

них пришла сюда Ляся. Она свернула направо, в комнату оперативного дежурного, где звонил телефон и откуда доносился раскатистый голос:

— Лейтенант Тарараскин слушает...
По стенам всецело слышны телефоны. К каждой из них была прикреплена бумажка со старинной надписью: «Ляся», «Степан», «Саша», «Вера», «Дуся», «Редиска». В комнате был стол с чернильницей и керосиновой лампой, вращающаяся табуретка и кожаный диванчик.

Оперативный аскарский лейтенант Леша Тарараскин в огромной флотской шинели сидел на табуретке и беспрестанно вертелся, ждал то одну телефонную трубку, то другую. Он был বেশ ростом, довольно худым, имел широкую и длинную своим руками мог дотопиться до любого телефона. Светлые волосы его были распущены и свисали в разные стороны, на щеках росли клоуны мягкой бороды. Большое улыбающееся лицо его сияло добротой и кротостью. Неудовольно, несколько нездоровый в виду, он выношил очень большое количество доброго чая. Он почти никогда не выходил из землянки командного пункта и сидел здесь же, на кожаном диване.

— Он создан для того, чтобы быть оперативным дежурным, как рыба создана для плавания, а птица — для полета, — сказал о нем однажды Костя.

Летчики любили его, во времена о нем по самому раннему детству мечтали стать летчиком. Он поступил в летную школу и хорошо учился по всем теоретическим предметам. Но летать он не мог: в воздухе ему становилось дурно. Как он с этим вы боролся, переборот себя, он был не в силах. Его хотели отчислить от авиации, но он больше всего на свете любил авиародом, самолеты, летчиков. Он просил оставить его в авиации на любой должности, и его оставили.

Когда Ляся вошла, он говорил по телефону и привлекло его улыбающееся, не отрывая трубку от уха. Она села на кожаный диванчик, держа перед собой письмо и читала, когда командный разговор кончился. Но, повесив трубку, он повернулся на вращающейся табуретке к ней спиной и засмеял кто-то в талостях трате, лежавшей на столе, и только коротенько, поспуеруясь, пропуская слова и улыбаясь ей еще привлекательнее.

— Вам письмо, — сказала Ляся.
Он почтала большой голос, пролонкая улыбающийся. Ей показалось, что он не повел себя, и она повторила:

— Письмо вам.
Он опять почтала головой и, вышло, хотел что-то сказать, но тут опять зазвонил телефон, и он долго кивал в трубку: «Лейтенант Тарараскин... да... точно... точно...» а потом засмеялся.

— Я никогда не получаю письма, — сказала ей, опять повернувшись к Лясе.

Ляся удивилась:
— Никогда? Разве у вас нет друзей?
— Все мои друзья здесь.
— А родители?
— У меня нет родителей.

И, словно все это было так точно, что не стоило об этом и говорить, он схватил трубку, повисла куда-то и долго от кого-то требовал немедленной доставки в аскарский вузов бочек с патронами. Однако письмо все-таки сдвинулось и на нем отчетливо было написано: «Александр Павлович Тарараскин», — и, когда он снова повесил трубку, Ляся сунула ему в руку конверт.

— Гм! Удивительно! — сказала он, вертя конверт и разглядывая его со всех сторон. — Штемпель, еще один штемпель. Письмо опущено в Ленинград почтой три месяца назад и дошло только сейчас. А вот в чем дело: адрес написан неправильно. Это доминион адрес нашей землянки; теперь у нас здесь другая землянка, где-то должно, пока выяснится путаница с адресом. — Вдруг он поблелел. — Я знаю, от кого это письмо! Это письмо от покойника!

— От покойника?
— От покойника, от Варвары Степановны, от которой чей-то Тетя моя Варвара Степановна жила перед войной в Эстонии вместе с мужем и дочкой. Тут война была случилась, и Варвара Степановна, она села с дочкой на пароход и отправилась морем в Ленинград, но немцы пароход потопили, и они обе погибли...

— Они не погибли, — сказала Ляся. — Они

дожили до Ленинграда, ведь штемпель на письме ленинградский?
Эта догадка страшно взволновала его. Он то ронял разговорный конверт.

Но тут зазвонил телефон.
Он бросил письмо на стол.
— Тарараскин слушает! — закричал от в трубку.

Потом, повесив трубку, громко спросил:
— Командир здесь?
— Командир пришел! Здесь! Здесь! — отозвался на раскатывающей комитете несколько голосов.

Ляся всколых, выгнувшись во весь свой рост, и голова его почти коснулась потолка землянки. Он шагнул к двери, но на пороге уже стоял капитан Рабушкин.

— Товарищ капитан, посты дано: на наших самолетах «были» «консервы», — оторосновала Ляся.

— Так, — сказала Рассокин.
— Они улетают бой с четырьмя «мессершмиттами».

— Так, — сказала Рассокин.
— Нужно вылетать на помощь Карякину и Чепенкову, — провлаквал голос Костя.

Костя вернулся на командный пункт вместе с Рассокиным и теперь стоял у него за плечами.
— Он здесь не командуйте, — сказала Рассокин, обернувшись к Костяну. Никто не вылетит, пока он не прикажет.

И Грозный крикнул:
— Всем оставаться здесь!

«Средь шумного бала, случайно... Тыфу, привиделся и никак не отвечает!» Карякин отдался горизонт. Как резко изменилась погода: из тумана, солнце, светит в воздухе, светит на озере облака, в которых они только что гуляли за «консервами», теперь висит далеко синий градый над берегом.

Надо идти домой. Времени еще не исчерпано, есть еще и горючее, но мало идти домой, потому что не осталось ни одного патрона. Они будут в Костяном пункте, если встретят сейчас «мессершмитты». Домой, домой!

Полува «мессершмиттах». Карякин сразу ушел из «Они обеснули от солнца в глубине веба и не успеют выстрелить в трубку реки. Слышал он заметил только два «мессершмитта», потом — один два, метр за триста метров. Он взглянул на Чепенков шёл за ним и тоже, когда Чепенков выстрелил, увидел «мессершмитта».

Карякин круто пошел вниз, взлезел, что над самым льдом он его не заметит. Но было уже поздно. Карякин выстрелил в сторону Чепенкова и не успел нажать кнопку. Верхняя пара так и осталась несколько повисше, а нижняя дотрала. Игнорение — и один «мессершмитта» за хвостом у Карякина, другой — за хвостом у Чепенкова.

Прежде чем немцы успели выстрелить, Карякин перевернулся в воздухе через самого себя, между льдом и небом, поменявшись местами, они увидели самолет Чепенкова, который тоже переворачивался. Игнорение — и Карякин в хвосте у одного «мессершмитта», а Чепенков в хвосте у другого.

Вот — теперь ударили! Но ни одного патрона, чтобы хоть их всех побрал!

Однако оба немца горкой пошли вверх. Ура! Они оба, они оба были так, что патронами нет! «В тревоге мировой войны».

Да «мессершмитта» ушли вверх, но два других, дежурных наверху, сразу спикировали и преследовали. Они хвостом самолета Карякина и Чепенкова. Перевернулись, немедленно перевернулись, прежде чем они успеют выстрелить!

Говорил Карякин и Чепенков оль в хвосте у другого «мессершмитта». Нет патрона! Нет патрона! — горку и вверх. «Тетя я увидел, но тайна!» Два «мессершмитта», дежурные наверху, спикировали — и оль в хвосте у Карякина и Чепенкова. Они смеялись друг друга, обе пары «мессершмитта».

«Твой покрывала черта... Переворот. Пара вверх, пара вниз. Переворот. Много ли это может проделывать «мессершмитта». Да это какой-то страшный танец. Пары смеются, как на танцевальной площадке. Переворот. Средь шумного бала...»

Торжественно отсалют мнут на себя. Когда же они, наконец, догадываются, что нет патрона? Переворот. Надо осмотреть небо: не идут ли на помощь? Пары смеются. Переворот. Трешит, трешит, трешит, трешит, галде, почти не видят. Переворот.

Вот оно, небо. Да, над берегом самолеты! Не Бетя ли «еще» да помощь? Переворот...!

Летчики ждали, когда им прикажут вылететь...

Нет, не Бетя. Разрывы зенитных снарядов падают вокруг. Это немцы идут бомбить трамсы...

«Средь шумного бала...»

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ПЯТЕРО ПРОТИВ СОРОКА

1

Когда на командный пункт позвонили и передали, что к озеру с разных направлений движется несколько десятков «консервов», и лейтенант Тарараскин доложил об этом, выслушавшись во весь свой огромный рост и касаясь макушкой потолка, Илья Рабушкин посмотрел на капитана Рассокина с испуганным удивлением, как смотрит на человека. Откуда Бетя мог знать это заранее? А ведь она, несомненно, знала. Если бы не а знал заранее об этом громадном налете, разве он не отравил бы всю аскарскую на помощь Карякину и Чепенкову?

Старый лейтенант Костя удивился гораздо меньше Рабушкина, потому что ход мыслей Рассокина был ему понятен. Еще голос Рассокина с такой несомненной решительностью обрвал его, приказав ему здесь не командовать, он обрадовался, что командир жалеет чего-то и берет силу аскарских. Потом, размышлив, он почтл, по каким признакам Рассокин догадался о предстоящем налете немецкой авиации на трамсы. Прежде всего над озером появился немецкий разведчик. Разведчик сблизил Чепенков и Карякина, тогда немцы выехали на озеро небольшую группу «мессершмиттов». Зачем они их выслали? Чтобы вступить аскарскую в бой, занять ее боем. Если бы аскарская вылетела Карякину и Чепенкову на помощь, она оставила бы трамсы без защиты.

— Ты пойдешь со мною в паре? — исторически спросил Рассокин у Ермолова.

Командар вынул голову.

«Господи, если только кто позволит мне вылететь, если только он возьмет меня с собой, и не ударит, и не покажет, на что я способен», думал Рабушкин.

Но взгляд маленьких голубых глаз Рассокина скользнул по Рабушкину, словно не видя, и остановился на Костяне. С той же неторопливостью, словно времени не передел кто отбавляет и спешить было бы даже смешно, Рассокин сказал:

— Вы пойдёте, Костя.

«А вдруг он пошлет меня с Костяном? — подумал Рабушкин. — Валь и Карякин у Костяна были в зенее».

— Алексеев! — сказал Рассокин.

— Петёте с Костяном ведомым.

— Есть.

На аскупатонном лице Рабушкина сразу появилось много маленьких капель пота. «Продолжай думать, Рабушкин, — две пары уже есть».

— Рабушкин!

«Слушай», — хотел сказать Рабушкин, но у него перехватило дыхание, и слова он не произнес ничего.

(Продолжение см. на стр. 16.)

НА «МАЛОЙ ЗЕМЛЕ»

«Душа Оганеса, храбрый комсомолец санитар Мурадьян, — как его любил на Мысыкю! Каждую неделю он под бомбежкой и обстрелом пробирался на Большую землю и привозил для раненых белый хлеб и — по секрету — что-нибудь вкусное.

«Порядок прежде всего!» — такою был девиз Мысыкю. Как только наступала минута затишья, люди сооружали из палок, утюгами, карандашами. Несмотря на то что было должно быть выглажено, гимнастерка заштопана; мать должна совершила получить письмо.

На каждого бойца «Малой земли» немцы истребили не менее пяти снарядов одной толпой тяжелой артиллерии. А всего на «Малую землю» было израсходовано одиннадцать эшелонов мела.

Но солдаты Мысыкю не уклонили. Они зашивали свои рубашки до тех пор, пока Новороссосы не были освобождены.

— А теперь «Малая земля» слилась с Большой, — говорит комсомолец-санитарка Надя Горбачева. И сразу же добавляет: — Но мы никогда не забудем родного Мысыкю.

Поединок в снежной пустыне

З. Фирсов, майор медицинской службы

Захар Артемьевич Сорокин не считал себя чемпионом, но он был хорошим физкультурником.

Он любил тренироваться со штангой, хоккею плавал, играл в футбол, крутил «солнце» на турнике. Физкультурой занимался с увлечением, для себя, не стремясь к рекордам.

В 1937 году по специальному комсомольскому набору Сорокин стал курсантом Всесоюзного училища имени Сталина и готовился быть морским летчиком.

В военной школе он впервые регулярно занялся спортом и поклялся это дело еще больше. Но рекорды он и здесь никаких не установил и грамот за победы на спортивных первенствах не получал.

Таких комсомольцев-физкультурников, как Сорокин, у нас в стране много. Поэтому так поучительны случаи с Сорокиным, происшедшие уже в дни Отечественной войны.

Высоко в облаках взылся на своем истребителе командир звена старший лейтенант Захар Сорокин. Как хорошо парить в облаках, чувствовать себя восточным вояждой!

Сорокин внимательно следил за немцем. Вдруг на западе он увидела зенитные немецких «М-10». Они летели по направлению к нашему аэродрому. Сорокин дал сигнал своим товарищам по звену Дмитрию Соколову и Николаю Томстикову атаковать врага. Сам Сорокин погнался за ведущим немецким самолетом. Тот камнем бросился вниз, уклонился от боя. Сорокин нырнул за ним.

Была многооблачная облачность. Гоняться за немцем Сорокин потерял свой зенит и остался в небе один на один с «М-10». Видно было, что немецкий самолет ведет опытный пилот. Он отлично вывел зенитный щиток и изматывал силы Сорокина.

Когда Сорокину удалось наконец пристроиться к немцу в хвост, оказалось, что запас боевой запас уже расстреляли. Тогда он вплотную подошел к вражескому самолету и выстрелом ударил по двигателю опрению. Это было над самой землей.

Сорокин видел, как немецкий самолет врезался в сопку. Но и у Сорокина из работы вылетела машина, вывернувшись, развернувшись, и планируя, пошла на посадку. Сел он удачно. Освободился от парашюта. Снял шлем. Не выходя из кабины, огляделся. Кругом были приуроченные снегом сопки, между ними — ледяная поверхность озера.

Где он приземлился: на своей территории или на чужой? Где базейшая база? Как

туда добираться? Но раздумывать над этим долго не пришлось: сразу раздался выстрел. Один. Другой. Третий... Пули проносились возле самой кабины. Сорокин круто обернулся. То, что он увидел, никак не входило в его расчеты.

От разоманного «М-10», бесформенной кучей лежащего в двухстах метрах за его спиной, крадучись, шел ряд немецких летчиков.

Но терять ни секунды. Сорокин уже было достал пистолет, как вдруг над самым его ухом раздалось страшное рычание. Выстрел, как рынок на турнике, движением Сорокина загнула крышку кабины. И как раз вовремя. Когти синиреного па успев только парашюту по стеку...

Сорокин слышал, что немцы часто берут в боевые полеты специально дрессированных собак. Во время вынужденных посадок они служат немецким летчикам проводниками, помогают им выбираться к населенным пунктам. Сейчас огромный бульдог, востро лая и прыгая возле кабины, ждал своего паника. Немцы, сообразив, что Сорокин попался, смело бросились вперед.

Сорокин понимал: нельзя терять ни минуты. Появляясь момент, когда пёс подпрыгнул к кабине, Сорокин резким движением открыл крышку и в упор выстрелил в бульдога. С движим воем собака похвятилась по снегу. А Сорокин не мешкал. Не дав немцам сообразить, что произошло, он начал прицельный огонь. После третьего выстрела один из бегущих немцев упал. Другой побежал в сторону, к сопке. Сорокин продолжал стрелять. Наконец свалился и второй немец.

Неужели победа? Надо хорошенько проверить. Сорокин незарядил пистолет и осторожно вылез из кабины. Ткнул ногой окровавленного, слезающего пса и пошла вперед, не спуская глаз с лежащих на снегу немцев. Около убитого немца он остановился, нагнулся над ним. И вдруг, как ужасный, вскопал с места тяжелой рукояткой ножа, зажатого в руке, ударил Сорокина в зубы, острием полосуя его по лицу. Обливаясь кровью, выплевывая выбитые зубы, Сорокин нагнул все свои силы, чтобы не потерять сознание. Он вцепился в немца, и они покатались по снегу в смертельной схватке. В беззвучном, пустынном поединке, на заснеженном поле, шла борьба на смерть между немцем и русским.

Пренудство было как будто на стороне немца. Тяжелая рана на лице, огромная потеря крови должны были, казалось,

сломить силы Сорокина. Но Сорокин не сдавал. Он дотянулся до гора немца, уберся головой ему в живот и, собрав последние силы, задушил врага. Сорокин прыгнул, Сорокин отскочил на несколько шагов. Выхватила пистолет и дрожащей рукой несколько раз выстрелила в упор.

Теперь он был спасён.

Воздушными ваннами на снегу бульдозера и два немца.

И надгробным памятником им неуважительно торчал из снега разбитый самолёт с чёрными крестами.

Прижав платком рану, Сорокин пошёл к своему истребителю. Достал из аптечки вилы. Перевязал, как мог, поющую рану. Взял ракетницу, бортовой пистолет. Попробовал съесть кусочек шоколада. Но не смог: зубы и челюсти были исковерканы. Потом он достал нож и рядом с пятью красными зёрнами, парисовинными на фюзеляже своего самолёта, наварил шесть зёрен, — знак шестого сбитаго им вражеского самолёта.

Ориентируясь по компасу, Сорокин пошёл на юго-восток, в сторону, где должна была быть наша территория.

Мороз докотил до тридцати градусов. Идти было трудно: снег и ветер. Случаясь с одной ногой, он провалился в воду. Выкарабкался. Но вода затекала в унты. От ветра и мороза через минуту ноги оказались оледеневшими в асфальтовых сапогах. Но Сорокин шёл. Он знал, что остановиться нельзя. Если остановится, — концы.

Наступила ночь. Сорокин всё шёл. Раны нестерпимо болели. От слабости он почти падал. На счастье, ему удалось подняться к пистолетам куропатки. Он выпил тёплой крови, и это немного поддержало его силы. И он снова двинулся вперёд.

Он шёл третий день и третью ночь. Четвёртый день и четвёртую ночь.

На пятый день его бесполой скитаний он уже не надеялся на спасение. И всё-таки он продвигался вперёд. Вдруг ему показалось, что вдали он видит дымок. Сорокин протёр глаза, — не веря себе. Надлегла дала ему новые силы. Он пошёл быстрее. Скоро он увидел силуэт нервного человека.

«А если это немцы?» — подумал он.

Сорокин достал пистолет: «Если немцы, — последнюю пулю в себя» Его толкнул заметил и пошёл к нему навстречу.

И Сорокин издал различия чёрную морскую шинель и шапку ушанку. Значит, свои.

— Брашна! — успел он крикнуть, падая на снег.

И борьба в воздухе с немецким самолётом, и борьба на земле с немецкими лётчиками и с бульдогом, и борьба с суровой снежной пустыней Севера — всё окончилось победой Сорокина. Из этой тройной борьбы он вышел победителем только потому, что был силен, вынослив и быстр. Выстрота пригодилась ему для того, чтобы зашвырнуть себе от внезапного нападения бульдого, сила — для того, чтобы победить немецкого офицера, выносливость — для того, чтобы с тяжёлой раной, в лютый мороз, без еды, без сна и отдыха идти по снегам почти являро суток.

Так в дни Великой отечественной войны Сорокин установил свой первый рекорд — рекорд выносливости.

Больше года он пролежал в госпитале, залечивая рану. Ему ампутировали половину левой стопы. Оставшиеся пальцы перенесли на правую ногу. Он мог демобилизоваться. Но он не захотел этого. В марте 1943 года Сорокин вернулся в строй.

В апреле 1943 года он сбил свой седьмой по порядку и последний после ранения немецкий самолёт. А в июне на его новом истребителе красовались уже одиннадцать звёзд.

ИЗ-ЗА ОСТРОВА НА СТРЕЖЕНЬ

Старинная русская песня

Из-за острова на стрежень,
На простор речной волны,
Выплывают расписные,
Остроголовые челны.

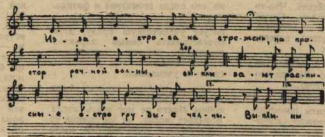
На переднем Степана Разин,
Обнявшись с своей женой,
Свадьбу новую справляет
Он весёлый и хмельной,
А она, скрывшись от
Ня жва и не мертва,
Моча слушает хмельные
Атаманы слова.

Позади их слышен ропот:
«Нам на бабу променял,
Только ночь с ней провожжал,
Сам маура бабой стал».

Этот ропот и намеренки
Слышит грозный атаман,
И он молочно рукою
Обнял переднюю стая,
Алой кровью налился
Атаманы глаза,
Брови чёрные сошлись —
Навигается гроза.
«Ничего не пожелал,
Буду голову огдам» —
Раздаётся голос властный

По окрестным берегам,
«Волга, Волга, мать родная,
Волга, русская река,
Не выведи ты поларка
От донского вала!»
Чтобы не было раздора
Между вольными людьми,
Волга, Волга, мать родная,
На, красавицу прими!
Мощным взмахом поднимает
Он красавицу-кижичу
И за борт её бросает
В набегавшую волну.

«Что ж вы, братья, прогнали?
Эй ты, Физла, морт, плани!
Гривам несью удалую
На помни её души!»

Рассохи смотрел на него просто и ясно, слово между ними никогда ничего не было. — Вы видите ничто, — сказала он.

2

Давно не испытывал знакомого ощущение счастья отпустило Рябушкин, когда самодет его оторвало от земли, низко прыгнув над восточной частью бугра и повесив к северу. От утробных туч не осталось и следа, небо светло, лунное свечение светом, снежная шкура земля, и тонкие соеки на снегу были удивительно отчетливы и сини.

Рассохи шел вперед всех. Слева, сзади от него, шли Ермолов, слева, сзади от Ермолова — Рахмонов, Костин шел сзади от Рахмонова; справа, сзади от Костина, шел Алексеев. Журнальный ящик вывалил они на озеро, куда набрала вьюга.

Плетую трассу они пересекли на высоте трех тысяч метров; грузовики на трассе казались

крохотными и почти неподвижными с такой высотой; только Рябушкин, давно не летавший, был впереди коммандиром грузовиков: догорел, кормилась горло, работая направились к югу. Они пересекли трассу и двинулись дальше на юг, к широкой дуге лесистого южного берега, западный край которого был зажат нежными, ослепляющими горами. Чуть дальше, по уверениям, с которой шел Рассохи, чувствовал, что они где-то близко, что вот-вот он увидит их. Рябушкин слышал стук своего сердца. Ему было холодно перед самым началом своего так бытия, но он ничего не мог с ним поделать. Его утешила мысль, что об этом никто никогда не узнает. Он направленно глядел вперед, ожидая увидеть врагов; но ничего не видел. Ветерная черта приближалась стремительно.

И вдруг слева, впереди, несколько выше себя, заметил он маленькие клочки дымки. Возмущенный он был изумительным бархатом леса, а том краю южного берега, где стояли наши вой-

ска. Это были летчики. В кого они бьют? И вдруг он увидел...

Он увидел «юнкерсы» — много, очень много «юнкерсов» — и так близко, что удивился, как не видел их прежде. Все они были выше его на пятьдесят, таску трассы, в глаза его не сразу научился различать их на фоне леса. Они ползли метроступами, как большие насекомые, и все пролетистые авиаторы были полны огня, они сплывали двумя потоками — справа и слева — и соединяясь, над берегом, дагались к северу, к озеру, к трассе.

Самолет Алексеев, самолет Костина, самолет Ермолова, самолет Рассохи. Их только и нет, всего только и нет; как громко бьют сердца! Интересно ивну; у Костина тоже сердца бьется так громко! А к троту, пусть бьется это сердце. Было, как поступит Рассохи.

(Продолжение следует.)

ЗАМЕТКИ О КНИЖКАХ

«ДНИ СЕРГЕЯ ГЛУШКОВА»

Памятная дата — 22 июня 1941 года — резко отделила вчерашние дни от завтрашних. Вдруг преобразился город и сила нашей страны, заучились новые слова, в новом обличье предстали людям и даже само пространство. Вдруг дохнула горькая и тревожная. Ветер будто бы гнал под солнцем оболую пыль, жаркую и липкую, и дуло, и в закатный час та самая игра пыльных лучей, что еще вчера порождала восхищение перед неизменной своей красотой, сегодня разлила сердце картины зловещего, величественного вокара, суровой орбиты красок, в которых глазоуловлялись чужие кроны.

Поэзия А. Кононова «Дни Сергея Глушкова», отражая в себе жизнь подросток накануне войны, является сложной, ровной, и самый переход от мира к войне дается не в отдельной части и даже не в отдельной главе, а постепенно, шаг за шагом, шаг за шагом, и в том же самом абзаце, где только что изображалась мирная жизнь.

«С утра брызгал дождик, впертые после дождя, сдух ветер, мелкий, пологий на возвышую пыль. Потом опять выжарил до солнца. Трава на булыжнике стала яркой-ярко. По трассе шла мальчишья толпа консервную банку... И вдруг наступило какое-то смутное беспокойство. Чуть-чуть резко изменилось. Сменилось настроение провидя военных, пробегали две девушки, переговаривались пошепону:

— Мы там смеялись, ничего не знаем. Вдруг Никита: «Мы это что же? Там рева. Молотоза»...

С этих слов, с этого мыка, начинается сам собой ритм повествования, быстро и тревожно нагоняют друг друга чрезвычайные со-

бытия, и тема одной половины повести — тема созрания детской души, тема советского воспитания, терпеливого и бережного

А. Кононов

воспитания. В школе это находило свое отражение в военных играх, а военных темах, на занятых различных кружках и в попытках мальчишеских выходов в своей среде подобие военных взаимоотношений.

Сергей Глушков вместе со своими товарищами «инженструировали» танк и фаерный «самый «взростящий» танк» с восьмьюнальным движком мотором. Наступил летний день, когда «боялась» мальчишеская была готова к действию. Был летний день, то ярко светило солнце, то извращала дождь, небо хмурилось, лет жарононо. В этот день состоялся военная игра — и школьники повели свой фаерный танк в атаку на какой же фаерный дот. Сергей Глушков и самый близкий друг его Дима Линалов только они двое — были в кожаных шлемах и поэтому чувствовали себя настоящим старше...

Школьные занятия и внешкольные игры и забавы чередовались с первыми личными военными силами сердца. Тут А. Кононову удалось с тонким, пленительным юмором рисовать несколько радужно и смешно на страницах, в которых мальчишка зовут «контрагу» по телефону с незнакомой девушкой, или отрывались на перемы «свидания», или злобно-чуть над устройством «вечеринки с девчатами», или — вневременности страха, пробуют расшарудить о любви.

«И вдруг наступило какое-то смутное беспокойство. Чуть-чуть резко изменилось. Сменилось настроение провидя военных... И тут в одное грозное, поворотное мгновение изменился мирный лавина, в которой было столько прелести, столько надежды, планов, расчётов, стремлений... Дни Сергея Глушкова отныне, за чертой, зловещей датой 22 июня 1941 года, — стали днями великого, стремительного, противостоительного, естественного — естественного — волевого выбора. Не успело же смениться осеннее, а уже немцы были в пределах района, где жили Сергей и Иван побегу грузовика, возмущая для армия, карточку из глубинных пунктов. За эти несколько месяцев он был дома только один раз, да и то не зная маму; и побоялся по

развития самых высоких, самых благородных, самых человеческих качеств — сама собою сменяется темой стремительного взросления под жарким дыханием войны, темой всемирной борьбы, в которой вечерний паросток становится сегодня взрослым, полным зрелого мужества бойцом.

Сергей Глушков авторствовал как танкостроитель в это же время, детстве той соли, когда подерная ель коробка «Конструктор» с металлическими деталями была кружным, движущимся характером события. Детская игра порывала в сердце истинную страсть. Несколько лет спустя, в старших классах школы, он уже всерьез работает в инженерском конструкторском кружке и в Доме техники. Самыми любимыми предметами его стали геометрия и физика.

А. Кононов правдиво и тонко рисует умечеством сердцу, дает почувствовать школу характер советской школы, выявляет взаимосоотношения между педагогами и учениками.

Глава к военным занятиям была сильна в нашей школе задогдо до войны. Никто не мог знать, когда вспыхнет война, но ощущение ее неизбежного приближения было

пустой комнате, — шипит он, — а шел в шкафу жеманку с крабами, съел их, съел батоны и ушел, остался один в комнате. У меня всё в порядке». А там, с приближением немцев, само собой случилось, что Сергей оказался в отрыв партизан.

Когда отряд унатяжил группу немецких мотоциклистов, лет Линалов, руководитель отряда партизан, дакие Сергей, троеф — черный, глинистый мальчик. Величественный это был поборок, и он и не мог утешить юности: перелетел скакнул трюмом, и Линалов они выскочили на кладбище трёх немцев. Все трое курили трубки, одинаково заложив руки за спину, и у всех одинаково были расстёгнуты мундир.

Сергей говорит об этой минуте: «Как-то только — и в то же время необычайно ясно — понял, что они предаются задумчивости и созерцанию лунного пейзажа — неидеально, как будто по установленному кем-то порядку; а этот порядок входит и расстёгнутый мундир».

Вызвать такие писательские удачу — короткий, счастливо найденный прием, одна фраза или отдельное выражение, предельно простое и выразительное, в которое вмещается не только изображение, но и внутренняя психоэмоциональная сущность явления. «Расстёгнутый мундир» — это явление, которое придает яркость красок приходу по установленному кем-то порядку, составляет такую драгоценную, густую, выразительную писательскую находку.

В следующем мгновении Сергей свалил одного из немцев на землю, он крутит и выпрыгивает вражью руку, и в этот момент другой партизан вился тому же немцу в горло. Первое столкновение, первый немец, поверженный, — это явление, которое в этой минуте Сергей Глушков — окончательно созревший мужчина, неутомимый метатель за рошну и за всех братьев и сестер своей страны.

Ответственный редактор — Борис ВОИТЕХОВ.

Адрес редакции: Москва, 40, улица «Архив», 24.

Тел. Д-334-24.

Авское. Подписано к печати 20/Х-43 г. Изд. № 730. Формат 21х110 см.

24 печ. л. В. и в шт. л. 90. Цена 30 000 руб.

Непринятые рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

КРОССВОРД

Составил А. Шлыкович

КСТАКЕ

ОТ ОЧКЕ

НА

КАРТЕ

О. Крит

9 сентября 1913 года Пётр Николаевич Нестеров, один из образованнейших лётчиков своего времени, проделал первую в мире мёртвую петлю на самолёте. Он не только совершил её, но и обосновал, научно разработав теорию этой фигуры высшего пилотажа. Опыты Нестерова и преподавание лётной школы, Нестеров до конца призывал механику полёта. Ещё весной 1913 года он парискодал схему летания, рассчитав заранее всю нагрузку, которую испытывают части самолёта во время исполнения этой фигуры.

Когда в школе, где он работал, были получены самолёты «Нью-порт», достаточно прочные, чтобы выдержать нагрузку при совершении петля, Нестеров получил возможность осуществить задуманное. Но самый факт совершения мёртвой петли не был почит современниками Нестерова началом новой эпохи в авиации, т. е. так, как мы это оцениваем теперь. Да и газеты ничего не писали о Нестерове, а чересполосно мессажеры по радио передавали слух, что первую мёртвую петлю совершил французский лётчик Пегу.

Пегу работал инструктором в лётной школе известного французского авиатора Бларно. Среди других инструкторов он выделялся своей смелостью. 19 августа 1913 года Пегу первый в Европе совершил прыжок с парашютом.

Когда парашют раскрылся, Пегу увидел, что самолёт продолжает лететь, как будто им кто-нибудь управляет. Пегу достиг земли и успел снять парашют, а самолёт всё ещё летит, выделывая самые невероятные фигуры и наконец, наконец не управляемый, благополучно приземлился.

Тогда Пегу на самолёте совершил прыжок вниз головой.

В Москве Пегу и Нестеров — два первых творца фигур высшего пилотажа — познакомились друг с другом и провели целый вечер в беседе об искусстве высшего пилотажа.

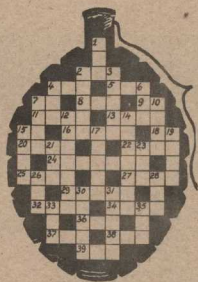
В заключение этой беседы Пегу сделал публичное заявление, благодарно признав первенство Нестерова и отметив его превосходство в понимании аэродинамики.

Через несколько дней после встречи Нестерова с Пегу начался мировая война, и в первом же воздушном бою лётчик Нестеров применил своё искусство для побед над германским авиатором.

Нестеров встретился в воздухе с немцами самолётом, решив уничтожить его во что бы то ни стало. Оружия в то время на самолётах ещё не было, и потому Пётр Николаевич пошёл в атаку. Удар был так силен, что вражеская машина развалилась в воздухе; самолёт же Нестерова жёстко толкнуло из стороны в сторону, свалив в землю, но затем и он рухнул вниз. Так погиб талантливый русский лётчик-герой Пётр Николаевич Нестеров — первый в мире воздушный боец.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 2. Геометрическая фигура. 4. Листопадное дерево. 5. Город в Бельгии, именем которого назван один из газов. 7. Отложение на дне водоёмов. 8. Начиная с шестидесяти ирис. 9. Ирис левет. 11. Река в Месопотамии. 13. Часть суток. 15. Река в Италии. 16. Созвучие в стихах. 18. Нога. 20. Развешение. 22. Характер. 24. Делать огнём. 25. Вид повозки. 26. Рыбный продукт. 29. Нагромождение аэла. 32. Противник. 34. Определённое время, проводимое на одном предприятии непрерывно. 36. Порода полуовец. 37. Месас. 38. Сильное укрепление. 39. Город на Сахалине.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Порода страусов. 2. Остров в Средиземном море. 3. Отходы нефти. 4. Река в Средней Азии. 6. Промышленный район Германии, часто подвергающийся бомбёжкам авиации. 7. Результат. 10. Перемежающее течение вквус. 12. Металлический снаряд. 14. Военная специальность. 15. Холодное оружие в старинной армии. 17. Вид картанов. 19. Домашнее животное. 21. Препарат. 23. Созвучие. 26. Протогортанное

сооружение. 28. Брендиата клетка для временных вставок. 30. Штат в США. 31. Один из способов ведения войны. 33. Город в Италии. 35. Официальный документ.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕШЕННЫЙ
В «СМЕНЕ» № 15-16.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

8. Копер; 11. Таран; 13. Стар; 14. Нарва; 15. Гамак; 16. Ала; 18. Яри; 19. Мотури; 21. Обелиск; 24. Сапёр; 28. Ресорра; 29. Ледокос; 31. Бинюг; 33. Котур; 35. Кутай; 37. Ан; 38. Уж; 40. Чугун; 41. Дрова; 43. Омега; 45. Синуи; 47. Тракт.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Каркас; 2. Реле; 3. Понтоны; 4. Машина; 5. Руда; 6. Кавказ; 7. Лягушка; 9. Плато; 10. Рота; 11. Тигр; 12. Рампа; 17. До; 18. Яик; 20. Тирин; 22. Баржа; 23. Схема; 24. Пилот; 26. Осы; 27. Кол; 30. Флакокоф; 32. Оркан; 33. Си; 34. Ру; 36. Арена; 37. Аляска; 38. Мост; 40. Чеснок; 41. Досы; 42. Армада; 43. Аптека; 46. Улав; 48. Ромб.

РУССКИЕ СОЛДАТЫ

ГРЕНАДЕР ЕГОР ИВАНОВ

Это было в 1807 году. Ша вошёл в Наполеонем. В жаркой стычке при захвате моста из реки Алты гренадер Углицкого мушкетерского полка Егор Иванов получил тяжёлую рану. Истекая кровью, он упал на землю. Опомившись, Иванов продолжал лежать на руке и слабым голосом стал просить своих товарищей. Кто-то из солдат, пробегая мимо, спросил: «Что не встанешь, Егор Иванов?»

— Мне уж, видно, не встать,— отвечал храбрый гренадер, не слушая пригласивших его товарищей.— Прощайте, друзья мои! Току, току! Бранцу вайти мое руське! Это оекатка, а мой всегда был исправно. Пусть поминует Егора Иванова в бьтэ зряни!»

С этими словами он умер.

ЗА ДЕНЬГИ НЕ КУПИШЬ

При осаде одного города генерал предложил большую сумму денег тому из солдат, кто первый вылетит финишкой в ров. Неприятель ахнул под самыми неприятельскими пушками. Но никто из солдат не вылезал из окопа. Увидевший генерал стал их удерживать.

— Мы все за это вылезли,— отвечал ему один из воинов,— когда да не предложили бы за это денег!

«Я БЫ ПРИНЕС И ПУШКИ,
НО ТЯЖЕЛЫ!»

Случилось это во время итальянского похода Суворова. Одна гренадерская полка переправилась через крутой и глубокий ров и сейчас же вступила в дело. Но ящики с патронами застряли. Положение сложилось трудное. Полковник поднялся к себе одному молодого прапорщика и приказал, чтобы тот попортился в патронный ящик.

Прапорщик убежал и через несколько минут возвратился, буквально израненный патронами, пулями, картами, пиками, вилотом, сапота — все ими было наполнено. — Гренадер! — сказала он своему офицеру. — Не робейте! Ящик здесь, боевые патроны.

Раздался выстрел, но опять победил за ров и повторил эти четыре раза. Начальник благодарил своего прапорщика, а тот отвечал: — Я бы принес и пушки, но тяжело!

Затем, схватив ружьё, он вступил в бой вместе с другими солдатами.

На географической карте Крит выделен длинным островом, расположенным между Европой, Азией и Африкой.

Множество чудесных сказок, мифов, поэтических сказаний связано с этим легендарным островом.

Здесь, на Крите, мастеряла Дедал — знаменитый строитель и механик античности, — свой крылья из пера и воска, чтобы вместе с сыном Икаром улететь из неволи.

Со сказанного критского берега бросился Тесей в морскую пучину, чтобы с помощью морского бога Тритона достичь подводного дворца Посейдона и добыть брошенные в морю золотые кольца Миноса.

Здесь, на Крите, Тесей убил ужасное чудовище—Минотавра — в его подземном жилище-лабиринте и благополучно выбрался из запутанных коридоров.

Здесь совершил свой земной подвиг Геркулес, оседлав бешеного критского быка и переправив его вониз через море — с Крита на Пелопоннес.

Прошля века, и древний Крит, колыбель египетской культуры, где, быть может, родился мечты о людях, летающих в поднебесье, быстро плавующих на огромных кораблях или опускающихся на дно морское, стал свидетелем казни более ужасных, чем видел Осеев в царстве Аида. Пикирующие самолёты стреляли аркадами в голубей, бомбили. Глубинные бомбы летят вонизу к современным Теламии подводникам, и морские-Теламии на спинах лисинок пересекли Средиземное море, чтобы вразгладить со злобным врагом — немцами.

Как во времена легендарного Миноса, авиастрелы Крита, так и в наши дни остров Крит находится в центре театра военных действий в восточной части Средиземного моря.

Несмотря на всё, что на свете островов, как шедро одарённых природой, как остров Крит. Здесь прекрасный климат, плодородная почва, многочисленные и хорошо защищённые гавани.

Большая часть поверхности Крита покрыта горами. На всем острове есть только одна небольшая равнина — восточная Крита, — через которую протекает река Тритония. В центре острова поименно покрыта лесами вершина горы Иды.

Лесные угодья Бельых гор наполнены шумом многочисленных водопадов. В устьях долин, на склонах гор растут пицены, кукуруза, ячмень, одноклассные деревья жмутом над обрывами; апельсин, лимон, гранаты, сливы, миндаль получают со своих склонов жители Крита; посеяны хлопчатка, плантация табака, виноградники дают богатые урожаи.

Все важнейшие города этого острова расположены на северном его берегу, на месте древних городов и селений, до сих пор хранящих многочисленные следы о славы и героических временах борьбы с захватчиками и порабощателями Крита.

Александр ПРОКОФЬЕВ

РОССИЯ

Рисунки Н. Муратова

Сколько звёзд голубых, сколько синих,
Сколько линий прошло, сколько гроз,
Соловьиное горло — Россия,
Белогие пуши берёз.

Да широка русская песня
Варт с захват до дорожек и троп,
Сразу брызнула в поднебесье,
По-рольному, по-русски, взахлёб;

Да какой-нибудь старый шалашик,
Да задумчивой им печаль,
Да родимые матери наши
С под-ладони глядящие вдал;

Да простор невокачмы, огромный,
Да гармоник размах шире плеч.

Люблю берёзу русскую,
То светлую, то грустную,
В белом сарафанчике,
С платочками в карманчиках,
С красными застёжками,
С зелеными серёжками!

Люблю её заречную
С шардыми оплечными,
То испуг, кипучую,
То грустную, плачущую.

Люблю берёзу русскую,
Она всегда с подружками
Весело хороводится,
Целует, как волдыря,
Идёт, где не горожено,
Поёт, где не воложено,
Под ветром долу клонится
И гнётся, но не ломится!

Да ваганки, да кравы, да домы,
Да певучая русская речь!

Каждый день был по-своему громок,
Нам войти в эти дни довелось,
Сколько песенных ярусов хромок
Над твоими лугами алылось!

Ты вовек не замолчишь, родная,
Не померкнут веселки твои,
Коль сейчас по переднему краю
Невозможно смистат соловьи!

Всё равно на тропинках знаковых
И сейчас у любого крыльца
Бело-белая лена черёмух
Льётся, зётся, и нет ей конца!

Наша родина — Россия,
Долина и горная,
Наша родина — Россия,
Грозная и гордая!
Закачался куст сиродины,
Цветы по крошечкам,
Пропой с тобой о родине —
Россия, хромочка.

Василёк мой, цвет мой синий,
Песня ильбельная,
Ой, Россия, ты, Россия,
Сосны корабельные!

Сосны корабельные,
Да ветра метельные,
Да красивые девчонки,
Да ребята дельные!

Да черемухи в цвету,
Да луги с люковами,
Да девчонки-говорильники
С золотыми косами!

Да на ветке соловей,
Да без счёту вёрсточка,
Да отбывающих сапошей
На погонях зёздочка!

СКАЗКА

По лугам, по редколесью
Всей порою весною
Ходит сказка Беломорья,
Перегуля здешняя.
Пересекх, пересуд
Сажку людей берегу.
С ней рыбак живёт на льдине,
С ней легка дорожка,
Ходит сказка вся в сатине,
В лаковых сапожках.

Исходила край лесной
В лаковых сапожках,
В кофте новой, радостной,
В платьице горошном!
А знаю, а знаю
Путь во все края прямой,
В санках-самоватах,
Гуси на запятках!
Сани с тормозяки,
Едут они сами,

Распашные, расписные,
Вот какие сани!
Гуси на запятках,
Займы для порядка,
А настают святки,
Волки для оглядки!
Кос-где трянут ухабы
По дороженьке крутой.
«Жили-были дед да баба —
Вот начало сказки той.

